Смелый новатор

См. в номере репортаж о Сергее Цехмистренко.

ОГОНЁК

№ 4 ЯНВАРЬ 1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Днепрогэс имени Ленина. Бригадир бетонщиц Полина Шило (справа) с членами своей бригады Марией Дюжник и Риммой Белослюдовой (см. в номере очерк и фото о Полине Шило).

Фото М. Альперта

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 4 (1077) 25 ЯНВАРЯ 1948

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Памятник великому украинскому писателю Т. Г. Шевченко в Киеве. Фото А. Узляна.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

НЕ ТА ТЕПЕРЬ УКРАИНА, НЕ ТОТ ТЕПЕРЬ НАШ НАРОД

М. С. ГРЕЧУХА

председатель Президиума Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики

25 декабря 1917 года I Всеукраинский съезд Советов в Харькове, созванный по инициативе товарища Сталина, провозгласил Украину Советской Социалистической Республикой.

Благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции украинский народ с помощью великого русского народа впервые за всю свою многовековую историю обрел свое государство и независимость, создал Украинскую Советскую Социалистическую Республику. За тридцать лет Советская Украина под руководством великой партии Ленина—Сталина превратилась в цветущую социалистическую республику — неотъемлемую часть великого Советского Союза, в республику могучей индустрии, передового, высокопродуктивного сельского хозяйства и бурно растущей украинской советской культуры.

Территория Украинской ССР занимает 590 тысяч квадратных километров с населением более чем 40 миллионов человек. В состав Украины входят 25 областей, 258 городов, 13 округов, 836 городских и сельских районов, 456 рабочих поселков, 16 403 сельсоветов. Впервые в истории Украины воедино собраны все украинские земли, в том числе и Закарпатская Украина.

Советская Украина—суверенное социалистическое государство, которое имеет свой народный парламент — Верховный Совет Украинской ССР,— свою Конституцию. Украинская ССР занимает почетное место на международной арене.

Ниже публикуется интервью председателя Президиума Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики тов. М. С. Гречухи с корреспондентом «Огонька» Н. Халемским.

Поистине можно сказать, что в эти дни мыслям становится тесно, когда оглядываешься на пройденный путь, на величественные успехи, достигнутые украинским народом под руководством мудрой партии Ленина — Сталина.

Советская Украина родилась в огне Великой Октябрьской социалистической революции.

Украинское советское социалистическое государство сложилось в ожесточенной войне с иностранными интервентами и в борьбе с внутренней буржуазно - националистической контрреволюцией, возглавляемой так называемой Центральной радой, которой направляли матерые агенты германского империализма — Грушевский, Винниченко, Петлюра и прочие предатели и изменники народа.

При братской помощи великого русского народа, под руководством большевистской партии и непосредственным водительством товарища Сталина украинский народ разгромил внешних и внутренних врагов — контрреволюционную Центральную раду, петлюровскую директорию, гетманство,— отстоял великие завоевания Октябрьской революции и получил возможность в братской семье советских народов строить свою новую, счастливую жизнь.

* * *

1917—1947 годы. За этот предельно короткий исторический срок пройден славный путь. Украинский народ под водительством ЦК ВКП(б) и нашего вождя и учителя великого Сталина, под руководством Центрального комитета коммунистической партии (большевиков) Украины осуществил величайшую преобразовательную и созидательную работу. Украина из политически и экономически отсталой окраины царизма, полуколонии иностранного империализма превратилась в передовую социалистическую республику, стала страной стали и угля, электричества и машин, крупнейшего в мире земледелия и социалистической культуры.

Тридцать лет назад огромные природные богатства Украины — земля, ее недра, воды, леса, фабрики и заводы, шахты и рудники, железнодорожный и водный транспорт — составляли частную собственность капиталистов и помещиков. Сосредоточив в своих руках все богатства страны, помещики, капиталисты и царское самодержавие подвергали украинский народ жестокому социальному и национальному гнету, обрекали его на голод и нищету. Иго социального и национального гнета российской буржуазии усиливалось эксплоатацией иностранных капиталистов Франции, Бельгии, Германии, Англии, которым принадлежали на Украине четыре пятых доменных печей, девять десятых коксохимических предприятий, четыре пятых криворожских рудников, семьдесят процентов добычи марганца, значительная часть угольных шахт Донбасса.

В помещичьей и кулацкой кабале жили крестьяне Украины. Достаточно сказать, что 32,5 процента крестьянских хозяйста совершенно не имели земли, зато 52,5 процента всей земли владели помещики и кулаки.

В страшной нужде и темноте прозябал народ. На Украине не было ни одной украинской школы. В дореволюционном Киеве, например, было только 43 учителя начальных школ. Зато было 1450 купцов первой гильдии, 16 тысяч лавочников и более 100 содержателей публичных домов.

Михаил Сергеевич Гречуха.

Фото Г. Вайля

* * *

Не та теперь Украина. Не тот теперь и наш народ. Героическими усилиями рабочих, крестьян и интеллигенции, руководимых партией Ленина—Сталина, при помощи всех народов СССР, и прежде всего великого русского народа, в борьбе с империалистической агентурой — троцкистско-бухаринскими и буржуазно-националистическими шпионами и вредителями — Советская Украина стала могучей индустриально-колхозной державой.

Советская Украина — страна высокоразвитой индустрии. По сравнению с 1913 годом валовая продукция машиностроения Украины увеличилась в 1940 году в 50 раз, продукция металлообрабатывающей промышленности — в 34 раза. В 1913 году валовая продукция крупной промышленности Украины составляла 2 миллиарда рублей, в 1940 году— 22 миллиарда рублей. К началу Отечественной войны промышленность республики давала в несколько раз больше продукции, чем вся промышленность царской России.

Умом, волей и трудом народа, руководимого партией Ленина—Сталина, были сооружены Днепровская гидроэлектростанция имени Ленина, тракторный, станкостроительный и турбогенераторный заводы в Харькове, Краматорский машиностроительный, запорожский завод комбайнов «Коммунар», гиганты черной металлургии «Запорожсталь» и «Азовсталь» и сотни других заводов и фабрик, оснащенных самой передовой техникой.

Неузнаваемой стала украинская деревня. За годы сталинских пятилеток расцвело передовое, высокоразвитое коллективное сельское хозяйство. Свыше 90 тысяч тракторов, 31 тысяча комбайнов, 50 тысяч автомашин и сотни тысяч других сложных сельскохозяйственных машин и орудий работали на плодородных полях Советской Украины.

Ушла нужда из крестьянских хат. Выросли новые села со своими стадионами, парками, домами культуры, школами и клубами. А сколько колхозов стало миллионерами!

За годы советской власти Украина стала республикой сплошной грамотности. До Октябрьской социалистической революции грамотность населения Украины едва достигала 24 процентов. В 1941 году каждый десятый житель Украины имел высшее или среднее образование. В республике было около 30 тысяч начальных, неполных и средних школ, в которых обучалось на родном языке свыше 6,5 миллиона детей. В 166 высших учебных заведениях училось 127 600 студентов — почти в восемь раз больше, чем в 1913 году. Высокого подъема достигла социалистическая культура. Были созданы прекрасные образцы нового искусства, проникнутого идеями пролетарского гуманизма и интернационализма.

109 750 специалистов — инженеров, техников, учителей, врачей, агрономов — выпустили учебные заведения Украины за годы советской власти. Великим культурным достижением нашего народа является создание Академии наук Советской Украины, которая поставлена на службу народу, успешно строящему новую, социалистическую жизнь. Из гущи самого народа, из среды украинских рабочих и крестьян выросла новая, советская интеллигенция, вышло много талантливых деятелей науки и техники, искусства и литературы.

Великие исторические преобразования произошли не только в экономике и культуре республики. В итоге торжества социализма во всех областях народного хозяйства изменились и люди, изменилось их мировоззрение.

Украинский народ, освобожденный от социально-национального гнета и ярма эксплоатации, впервые в истории получил возможность широко развернуть свои способности, сознательно строить общественную жизнь. Социалистическое государство, большевистская партия воспитали новых людей — пламенных советских патриотов, беззаветно преданных Родине и великому делу партии Ленина — Сталина. Эти люди обуздали Днепр, эти люди прославили себя трудовыми подвигами в шахтах Донбасса и рудниках Криворожья, они проявили чудеса героизма на колхозных полях. Недаром Украина стала родиной стахановского движения, родиной пятисотниц, прославилась Героями Социалистического Труда.

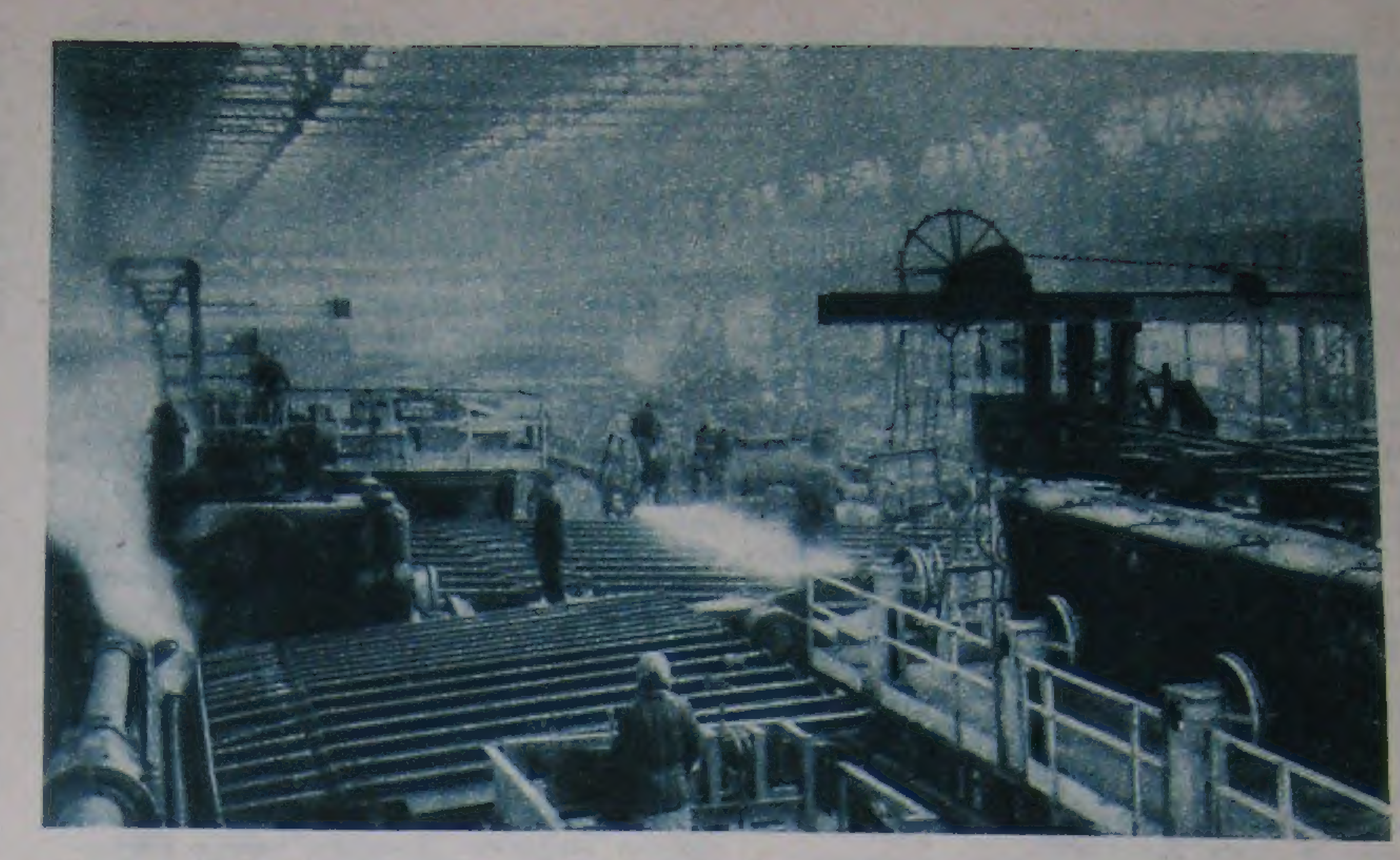
В борьбе за осуществление великих исторических преобразований экономики и культуры республики исключительно велики заслуги наших женщин. Нет у нас на Украине такой отрасли народного хозяйства и культуры, общественной и государственной работы, где женщины не принимали бы самого деятельного участия. Известны их заслуги в борьбе за социалистическую индустриализа-

цию и коллективизацию сельского хозяйства республики. Навсегда войдут в историю беспримерные трудовые подвиги женщин, вынесших на своих плечах вместе с нашей славной молодежью основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах в годы Отечественной войны.

Пламенный патриотизм, сознание своего высокого долга перед Родиной проявляют украинские женщины и в послевоенный период. С неослабевающей энергией взялись они за выполнение и перевыполнение нового сталинского пятилетнего плана, показывая образцы самоотверженного труда.

Большое значение приобретает участие женщин в государственной деятельности. В местные Советы депутатов трудящихся избраны 99 782 женщины — славных патриоток Советской Украины.

Гордостью украинского народа является взращенная партией Ленина — Сталина наша славная, мужественная и трудолюбивая молодежь. Она проникнута глубоким чувством советского патриотизма, беззаветной любви к своей Родине и своему народу, безграничной преданности большевистской партии и вождю народов великому Сталину. Эти высокие морально-политические качества украинская молодежь проявила в годы первых сталинских пятилеток, на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах и в подполье. Эти благородные качества проявляет теперь наша молодежь на поприще мирного строительства.

Никополь. Восстановлена первая очередь Южнотрубного металлургического завода. Мощный трубопрокатный стан «Большой штифель» выпускает цельнокатанные трубы для нефтяной, газовой и других отраслей промышленности.

Фото Г. Широкова (ТАСС)

* * *

Тяжелые испытания выпали на долю украинского народа в годы войны. Советская Украина одна из первых подверглась разбойничьему вторжению немецко-фашистских захватчиков, которые ставили своей целью превратить Украину в колонию немецких империалистов, поработить и онемечить свободолюбивый украинский народ. В годы Великой Отечественной войны украинский народ еще глубже осознал и осмыслил, что только находясь в нерушимом союзе народов советских республик, только благодаря сталинской дружбе народов Советского Союза, трудясь и борясь под великим знаменем Ленина — Сталина, он смог избавиться от немецко-фашистского порабощения, смог вернуть свою свободу и государственность, сохранить свою культуру и язык.

Морально-политическое единство советских людей, на котором зиждется сила и могущество социалистического государства, стало одним из решающих факторов нашей великой победы над врагом.

В борьбе против немецких захватчиков сыны Украины покрыли себя неувядаемой славой на всех фронтах Отечественной войны. Известно, что в славной когорте Героев Советского Союза 1817 украинцев. Среди них дважды и трижды Герои Советского Союза. Миллионы украинцев награждены орденами и медалями. Около 200 тысяч партизан и партизанок действовали в тылу врага. Они отвлекали на себя во время войны сотни тысяч солдат и офицеров противника. Партизанами было убито и ранено около 500 тысяч оккупантов.

Никогда еще в истории украинские земли не подвергались такому опустошению, как в эту войну. Немецко-фашистские захватчики разрушили сотни городов и более 28 тысяч сел, свыше 16 тысяч промышленных предприятий. Общий ущерб, причиненный народному хозяйству Советской Украины, составляет 285 миллиардов рублей.

* * *

Если бы человек имел возможность окинуть взглядом все огромное пространство нашей республики, от Донца до Тиссы, перед ним открылась бы величественная картина беспримерного созидательного труда.

Украина возрождается. Украина строится. Из руин и пепла поднимается наш социалистический Донбасс. Он уже питает углем промышленность республики, заводы и фабрики СССР, он снова стал «всесоюзной кочегаркой». Возрождение угольного Донбасса происходит на базе более совершенной, передовой техники. За 11 месяцев текущего года угледобыча на Украине перекрыла угледобычу 1932 года на 8 процентов и почти в два раза — угледобычу 1913 года.

В Донбассе есть уже десятки крупных шахт, которые не только полностью восстановлены, но и превысили довоенный уровень. Советское правительство и партия высоко оценили передовых борцов топливного фронта — восстановителей славного социалистического Донбасса. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 1 января 1948 года в связи с успешным окончанием восстановительных работ и превышением довоенной добычи угля ряд шахт награжден орденом Ленина. Награждена также высокими правительственными наградами — орденами и медалями — большая группа наиболее отличившихся рабочих, инженерно-технических работников и служащих угольных шахт.

Высокая награда советского правительства и большевистской партии, являясь высокой оценкой самоотверженного труда шахтеров, служит боевым призывом к завоеванию новых побед.

«Запорожсталь». Тонколистовой непрерывный стан.

Фото С. Альперина

Современный Донбасс и его героические труженики — благодарная тема для наших писателей, поэтов и художников. Надо, чтобы советские люди знали о подвигах донецких рабочих, инженеров и техников. Приведу только один пример. Немцы взорвали шахту «Петрово-Лидиевка». Вскоре к шахте пришли наши рабочие и услышали глухой шум, доносившийся из ствола. Это подземные воды затопляли горные выработки. Ефим Федорович Запарный попросил своих товарищей, шахтеров, опустить его в шахту. В шахту его опустили на бадье. Запарный по горло в воде, с шестипудовой подъемной талью на шее сумел добраться до подземной водоотливной станции. Там, ценой невероятных усилий, ему удалось поднять и прикрепить к потолку моторы. Наверху рабочие тоже делали свое дело. Из старых деталей они собрали паровую машину и генератор. В общем, под землю был дан ток, заработали насосы, и шахта была спасена от затопления.

Введен в строй и дает первые послевоенные плавки высококачественных сталей завод «Запорожсталь». Вступил в число действующих трубопрокатный стан «Большой штифель» на Никопольском Южнотрубном заводе. Дает электрический ток промышленность Приднепровья, Кривого Рога и Донбасса, восстановленные агрегаты Днепрогэса.

Так украинский народ воплощает в жизнь сталинскую пятилетку и все выше и выше поднимает славу своей индустрии.

В результате самоотверженного труда народа, технического новаторства рабочих и инженеров мощность электростанций республики уже восстановлена, по сравнению с довоенной, на 64,7 процента. Тысячи тракторов уже сошли с конвейера восстановленного Харьковского тракторного завода. Введены в строй и дают продукцию стране Харьковский турбогенераторный завод, Ново-Краматорский завод тяжелого машиностроения, Ворошиловградский паровозостроительный завод и много других.

Народ Украины уверенно идет по пути, указанному партией Ленина — Сталина. Он ясно видит свое будущее, дальнейший расцвет родной Украины и всей страны.

Домны нашей республики в 1950 году должны дать 9,7 миллиона тонн чугуна. Наша республика в конце пятилетки даст 8,8 миллиона тонн стали.

* * *

Выполняя историческое решение февральского Пленума ЦК ВКП(б) и слово, данное великому вождю товарищу Сталину, труженики сельского хозяйства Украины достигли серьезных успехов. Известно, что в нынешнем году было засеяно яровой пшеницей на 235 тысяч гектаров больше, чем в прошлом году. Во многих колхозах урожай пшеницы превышает 100 пудов с гектара. Увенчался успехом героический труд свекловодов. Многие колхозы вырастили на каждом гектаре в среднем по 300—350 центнеров сахарной свеклы, а целые районы — по 200—250 центнеров. Огромное число мастеров высокого урожая, заслуживших всенародную славу, выдвинуло из своей среды колхозное крестьянство Украины.

Хлеборобы республики с честью сдержали слово, данное великому Сталину, и досрочно, еще 10 октября, выполнили государственный план хлебозаготовок на 100,3 процента.

В послевоенные годы уже около 600 тысяч колхозных семей поселились в новых домах. За короткое время в городах республики восстановлено 485 тысяч квадратных метров жилой площади, 3474 жилища построены на средства государства для осиротевших детей и для семей воинов, погибших на фронтах Отечественной войны.

Велики успехи и в развитии украинской советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. В республике восстановлены и работают 7 университетов, 14 медицинских, 43 технических, 52 педагогических, 19 сельскохозяйственных, 6 юридических, экономических и других высших учебных заведений. Двадцать четыре научно-исследовательских института охватывает Академия наук Украинской ССР. В общем в республике работает 181 научно-исследовательское учреждение.

Каждый рабочий, колхозник и интеллигент Советской Украины знает, что все эти успехи в промышленности, в сельском хозяйстве и культуре республики достигнуты благодаря повседневному руководству партии большевиков, благодаря заботе и помощи любимого вождя и учителя великого Сталина.

Сельское хозяйство республики получило свыше 11 тысяч тракторов, свыше 7 тысяч грузовых автомашин, свыше тысячи комбайнов, 311 тысяч голов лошадей, 284 тысячи голов крупного рогатого скота, больше полумиллиона овец и коз. Исключительно большую помощь оказало советское правительство крестьянству в тяжелый для Украины 1946 год.

Свыше 70 заводов Ленинграда приняли участие в техническом оснащении Донбасса. Коллективы более чем ста заводов страны участвуют в восстановлении «Запорожстали».

Сердце каждого рабочего, колхозника, интеллигента Советской Украины преисполнено глубокой благодарности ко всем народам страны и прежде всего к великому русскому народу. Велика и непреоборима сила сталинской дружбы народов. Только благодаря мудрой сталинской национальной политике, только вместе со всеми народами в составе Советского Союза украинский народ сумел осуществить свою вековечную мечту о воссоединении всех украинских земель и собрать весь свой народ под государственный флаг Украинской ССР.

Украинский народ вместе со всеми трудящимися Советского Союза бдительно охраняет мир и безопасность. Украинская Советская Социалистическая Республика является членом организации Объединенных наций и избрана в Совет безопасности. Она неуклонно выступает на международной арене за интересы всех миролюбивых народов, против всех и всяких поджигателей войны.

* * *

Мы прошли великий и нелегкий путь. Но в борьбе за свое счастье мы крепли, наливались богатырскими соками и одерживали победу за победой. Нас вели и ведут вперед большевистская партия, великий отец, друг и учитель Иосиф Виссарионович Сталин.

Блестящая победа сталинского блока коммунистов и беспартийных на прошедших 21 декабря прошлого года выборах в местные Советы депутатов трудящихся республики еще раз продемонстрировала пламенный советский патриотизм и несокрушимое морально-политическое единство украинского народа, его верность и преданность Союзу Советских Социалистических Республик, великому отцу и учителю товарищу Сталину.

Историческое постановление партии и правительства об отмене карточной системы на продовольственные и промышленные товары и денежная реформа создали все необходимые условия для дальнейшего усиления темпов восстановления и развития народного хозяйства республики, для подъема благосостояния народа.

Подводя итоги нашим историческим победам, рабочие, крестьяне и интеллигенция республики не упиваются достигнутым, а, ясно сознавая величественные задачи, стоящие перед ними в новом, 1948 году, под руководством ЦК КП(б) Украины во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым, добьются еще лучших успехов в борьбе за пятилетку в 4 года.

С честью выполнить и перевыполнить план во всех отраслях промышленности и транспорта, добиться нового, невиданного подъема производительности труда, обеспечить образцовую подготовку к весеннему севу и завоевать в нынешнем году еще более высокий урожай — таковы задачи.

В день тридцатилетия Украинской Советской Социалистической Республики рабочие и колхозники, ученые и инженеры, художники и писатели — все трудящиеся Советской Украины первое слово своей сыновней любви и преданности шлют великому отцу, вождю и учителю, родному Иосифу Виссарионовичу Сталину и заверяют, что украинский народ полон решимости и готовности беззаветно бороться за новые победы великого дела Ленина — Сталина.

Колхоз «Шлях Ленина» (Харьковский район, Харьковская область). Правление колхоза совместно с архитектором разработало генеральный план реконструкции колхоза.

Фото Н. Колли

Колхоз имени Шевченко (Харьковский район, Харьковская область). Во вновь отстроенном доме правления колхоза оборудован специальный зал заседаний.

Фото Н. Колли

Судьба Лютежа

К. БУКОВСКИЙ

Рисунки В. Богаткина

Человеку, не знающему этого украинского села, легко проехать через него, решительно ничего не заметив. Особенно если человек тот будет ехать зимним вечером, когда густая темень сумерек делает все хаты похожими одна на другую. А для того, чтобы что-нибудь заметить в селе, надо именно присмотреться к хатам: какие они?

Микола Васильевич Лабезник, перед тем как вернуться в Лютеж, был ко многому приготовлен. И он, конечно, заметил.

Началось с того, что Микола Васильевич увидел, как горят хаты. Находился он тогда на небольшом удалении, всего в каких-нибудь четырехстах метрах, но помочь ничем не мог. Ему мешали Днепр и сложившаяся военная обстановка. Половина дивизии, в которой он служил, переправилась в село и держалась там. Другая же половина не могла переправиться. Она оставалась на левом берегу, и Микола Васильевич как раз при ней находился.

Село оставалось скрытым для него. Но он все равно обо всем догадывался: где ложатся бомбы и как занимается пламя. Сначала в дальнем конце, возле хаты Данилы Тимофеевича Кучерявого, потом ближе к центру — рядом с правлением колхоза и около сельрады. Один раз Миколе Васильевичу показалось, что «юнкерсы» заходят левее погоста, над тем местом, где стояла хата, крытая железом. И он отвернулся, не желая более наблюдать. Грохот еще раз отдался в нем болезненно, но после того боль уже перестала быть острой: она притупилась.

Так продолжалось четырнадцать дней. А, может быть, их было семь всего, и Микола Васильевич ошибся счетом. По опыту он знал, что и семи дней довольно для того, чтобы село успело исчезнуть с лица земли со всеми его белыми, мазанными глиной хатами, с березами на погосте и вишневыми садами. Только песок, вскопанный снарядами, должен был еще вздыматься к небу, но падал обратно он уже не на жилье, а на голую, бесприютную землю.

Конца всему этому Микола Васильевич не дождался. Вместе со второй половиной дивизии его подвинули левее по Днепру, туда, где была построена большая переправа. И он не выяснил, остались ли живы ребятишки в той хате под железной крышей.

А выяснить было можно. Два утра из семи, или из четырнадцати, выдались туманные. Лабезнику сказали в батальоне, что человек двадцать охотников переправились на тот берег с патронами и пищей. Говорили, будто перевозили их два деда из села на рыбачьих лодках. Одного Лабезник узнал по описанию: походил на Павла Никитовича Кириенко, жителя соседней улицы. Микола Васильевич тогда же побежал к командиру проситься охотником. Но туман рассеялся, и деды больше на лодках не появились. К тому же командир отказал в его просьбе.

Во второй раз Микола Васильевич опять оказался наблюдателем. Он опять ничем не мог помочь, потому что находился в этот раз в трех тысячах километров и еще потому, что лежал он в то время без движения и картину смотрел, подложив под себя подушки.

Происходило это в Омске, в военно-тыловом госпитале. Миколе Васильевичу было муторно лежать в этом городе и, чтобы удалить на время от себя ненужную печаль, а может, и в надежде еще раз поглядеть своими глазами, как бьют наши люди немцев, он попросил показать ему кино. Просьбу его уважили, но вместо разбитого неприятеля он увидел перед собой нечто такое, от чего ему захотелось побросать подушки и зашагать скорым шагом обратно на Днепр.

Кино уже начали крутить. На полотне было много дыма и огня, вокруг которого бегали солдаты, а жители где-то скрывались. К этому Микола Васильевич остался равнодушным: это он уже видел много раз в жизни. Но тут промелькнула сквозь дым какая-то фигура в крестьянской одежде. Микола Васильевич ущипнул себя за руку: не бредит ли. Фигурой был Прокоп Москаленко. Прокоп только махнул ему рукой с полотна и пропал. Но Микола Васильевич уже почувствовал: перед ним его село.

Помимо Прокопа обнаружились на полотне и другие приметы. Криница на задах с покосившимся на бок срубом. Лощина, в которой он пас коней. Кусок шоссе, где толпились всегда полуторки, сведенные в кучу шоферами, у которых нехватало терпения доехать до дымерской чайной. И еще несколько верных примет разглядел в дыму Микола Васильевич, когда успокоился. Только хаты под железной крышей опять не увидал: в картине оказался обрыв.

Во второй части показывали строительство. На том месте, где было правление колхоза, то есть в центре Лютежа, строились новые дома. Место было голое, ничего старого на нем не оставалось, и дома вырастали как бы из пустыря. Они шли попрежнему вдоль шоссе, но выглядели непохоже — просторнее и лучше прежних. Клали их на картине, как всегда, из бревен, только на иной, не лютежский манер: с надбавкой высоты. Другие клались нето из каменных плит, нето из другого, похожего материала, по виду очень крепкого. Микола Васильевич успел заметить, что работа идет ходко и что некоторые дома уже подведены под карниз. Именно в этот момент ему захотелось покинуть поскорее тот далекий от Днепра сибирский город.

Это было под конец войны. А затем спустя некоторое время Микола Васильевич вернулся домой.

Он сошел одной ногой на землю возле своей хаты. Он нашел ее в целости, только без железной крыши. Ее снесло, как он и предполагал тогда, взрывом. О том, что ребятишки спаслись, ему послали извещение раньше, а про крышу известия не было.

Первым делом Микола Васильевич справился, сколько таких хат уцелело тогда, в сорок третьем году. Оказалось, всего восемь дырявых, и среди них его, Миколы Васильевича, хата, лишенная крыши.

Потом, когда Микола Васильевич посидел немного с ребятами, он пошел вдоль по шоссе и увидел те самые новые дома, которые ему показывали в кино. Но прежде он увидел землянки.

Он шел уже в сумерках, и землянки светились, отступя от шоссе, скупым и мерцающим светом. Похоже было, что сама земля подмигивает ему, слегка захмелевшему солдату, мол: «Ничего, существуем. Заходи, солдат, погрейся».

Но Микола Васильевич не стал сразу заходить. Он наметил себе землянку, или что там найдется, в расположении Данилы Тимофеевича Кучерявого. Оттуда начинало пламя лизать село, когда он мучился на том берегу, страдая не столько за Данилу, сколько за его старуху: каково ей!

Данила Тимофеевич сидел на бревнах. И с ним сидела старуха. Они смотрели на яму, которая образовалась тогда вместо хаты, и спорили между собой, как лучше ее приспособить: погреб ли сообразить из нее или сравнять ей бока под картошку.

Старуха пересилила в конце концов.

— Засыпать ее, да и все тут,— сказала она сердито,— и хату рубить над ней, как было.

— Ну что ж,— сказал Данила Тимофеевич,— сойдем во дворец. Смотри не ушибися, на ступеньки трохи мрамору нехватило.— И он поддержал солдата.

Старуха стала жаловаться:

— Земля соки высасывает...

Данила Тимофеевич терпел некоторое время, потом сказал с усмешкой:

— Какой в тебе сок?

Но шуметь больше не стали: в землянке был гость. Без спору поставили на стол все, что полагается.

Микола Васильевич осмотрелся. Верно, живут люди. Печурка топится, кровать застлана чистым, два оконца выглядывают: одно — на шоссе, другое — на Днепр. Внутренность в землянке побелена, как в хате, и так же висят рушники — узорами вниз. Захотел посмотреть, есть ли клопы — за воротник посыпалось что-то холодное и колючее. Микола Васильевич умерил восторги.

— Я так думаю,— сказал он, чтобы начать разговор,— в ней была тонна, не меньше.

— Не угадали, друже. Пять тонн,— ответил хозяин.

Микола Васильевич запротестовал:

— Не может быть. Пятитонки он на село не бросал.

— О чем вы?

— О бомбе.

— А... Я думал о машине. О той, что сегодня бревна возила.

Старуха вмешалась:

— У кого что болит... Садитесь, будьте ласковы, сюда, под фанеру.

Втроем они совершили положенное. Данила Тимофеевич воодушевился.

— Думаем переселяться на поверхность,— сказал он, поглядывая на старуху.— К солнцу ближе, для соков...

С утра Микола Васильевич начал ладить стропила. Ходили мимо жители, кланялись и одобряли:

— Нашего полку прибыло. Еще одна хата будет с верхом.

Со стропил было видно: Лютеж строится. И еще увидел он, что половина дымков поднимается из земли. Утешительно было, что половина, а не больше.

О том, как все происходило, рассказал ему председатель колхоза. Он осмотрел его снизу и сказал: «Ну, что ж, будешь бухгалтером». Потом объяснил остальное.

— Когда все стихло,— пояснил он,— жители вылезли из нор. Пересчитали стены — вышло немного. Разыскали в золе лопаты. Насадили черенки и назвали спустя неделю село временно «Земляным». Числилось в «Земляном» попрежнему 350 дворов, но никаких дворов не было. Было 350 землянок.

Через год приехали архитекторы. Показали на бумаге, как будут выглядеть кузня и горница. Жители решили: «Ничего, подходить». Для примеру заложили двадцать домов, вон те, большие, государственные. А теперь, видишь, сколько рядом с ними. И на том конце, к Дымеру, и там, ближе к Днепру, и за левадой.

Как строились? Да каждый сам по себе. Руки свои, деньги из банка, бревна из лесничества. Выходит, говоришь, не сами? Ну, как не сами: руки наши, банк наш, лесничество тоже

Генералу Ватутину

В торжественных монументах — в бронзе и граните — увековечена память замечательных полководцев русской земли. В Москве, на Красной площади, высится памятник князю Пожарскому, в Ленинграде — фельдмаршалу Суворову, в Куйбышеве — Чапаеву, в Киеве, на высоком гребне густого парка, спускающегося к Днепру,— генералу армии Ватутину.

Его фигура из светлосерого гранита с сиреневым отливом возвышается на черном полированном пьедестале.

Рельефы на боковых фасадах постамента рассказывают о форсировании войсками Ватутина Днепра и о радостной встрече украинцев со своими освободителями.

«Генералу Ватутину» — вырублена на пьедестале надпись, выложенная червонным золотом. И это золото перекликается с золотой смальтой, которая на площади в 22 квадратных метра окружает памятник.

Смальтовая мозаика представляет орнаментальный узор из гвардейской ленты с орденом Отечественной войны и дубовыми листьями. У подножья памятника — могила полководца. По ее бокам выложены знамена из алого пурпурина, обвиваемые смальтовыми гвардейскими лентами. А посередине знамен пылают рубиновые факелы — символ неугасимого духа Ватутина.

Мозаика окружена бортовой каймой из черного лабрадора. За каймой — зеленый газон, окруженный, в свою очередь, полосою из черного камня.

Авторы памятника — член-корреспондент Академии художеств СССР, лауреат Сталинской премии скульптор Е. В. Вучетич и архитектор Я. Б. Белопольский — в величественном монументе раскрывают идею вечности идеалов, за которые боролся генерал армии Ватутин.

Открытие памятника приурочено к 30-летию установления на Украине советской власти.

Памятник генералу Ватутину в Киеве.

Могила полководца и окружающая ее мозаика из смальты.

Фото Н. Струкова

наше. Бухгалтер, а баланса подвести не можешь!

Вот улицы, действительно, нарезали сообща. По шоссе — Магистральная, она была и раньше, только без названия. Вон та — улица Героев; на ней самый сильный бой происходил, танкисты сражались. Дальше — имени Ватутина, сам понимаешь, почему. Еще дальше — Братская.

Отчего некоторые хаты маленькие? Вдове за батькой не угнаться. Главное,— что по плану, потом заменим. Павло Никитич построил одну маленькую, а на большую лес возит: сына ждет. Какой Павло Никитич? Да дед Кириенко, который солдат на лодке перевозил.

Так объяснял голова колхоза своему бухгалтеру.

...Прошло еще порядочно времени, и опять изменилась судьба Лютежа и его жителей. Теперь она менялась на глазах у Миколы Васильевича, и он сам проводил ее материальные изменения по бухгалтерским книгам. Но не все поддавалось такому учету. Отдельно он вел свой, душевный счет, зачеркивая в нем, что подлежало списать за давностью.

К новому отчетному году Микола Васильевич подвел итог по всем книгам — колхозным и личным. Триста с лишним дворов снова стали дворами. Триста с лишним хат вернулись на свое место, греть бока под солнцем. Человеку, незнакомому с селом, нетрудно проехать через него вечером, решительно ничего не заметив. Днем же, конечно, будет заметно: у хат стены новые и крыши не успели потемнеть от времени.

В хате Миколы Васильевича с утра толпятся теперь жители: тут пока бухгалтерия, потому что правление колхоза еще не отделано. За год сюда переходило много народу. Данила Тимофеевич Кучерявый приходил два раза — по числу новоселий: сам со старухой перебрался наверх и сыну хату дали. Павло Никитович Кириенко заложил вторую — тоже дождался сына. Прокоп Москаленко заходил. Оказывается, это не он был показан на картине: махал Миколе Васильевичу рукой с полотна другой житель, а Прокоп возил в то время бойцов с того берега.

Александра Сидоровна Винниченко приходила несколько раз, брала справки. Вдова не угналась за батьками — живет еще в землянке. Как это собирались писать в отчете: «Последняя землянка Лютежа»... Не совсем еще последняя. Осталось несколько на личном счету председателя. Не сумел прибавить к балансу еще одну графу: «собственная инициатива». И гроши есть, и руки есть, времени, говорит, недостало. Найди время, голова!

Год был хлопотный, слов нет. Тут и осушка, тут и поливка. С огородов живет село, с огородов столицу кормит. Зимой посвободней будет — придется добраться до этих последних землянок...

За такими размышлениями я и застал Миколу Васильевича в мой недавний приезд в Лютеж. У меня все вышло как-то не так, не по плану, в этот приезд. Шел я брать интервью у председателя, засиделся с бухгалтером — дело в том, что мы с ним вместе, оказывается, держали наблюдение в сорок третьем году с того берега Днепра. Искал я среди новых хат, которая поплоше,— оказался в единственной старой. (Крыша на ней, между прочим, черепичная: с железом пока туговато.) Хотел побеседовать с кем-нибудь из лютежских новоселов — попал на новоселье ко всему селу.

Пожалуй, оно и лучше, что так у меня получилось...

Село Лютеж под Киевом

Украинское народное творчество

Фото А. Гостева

Ковер, изготовленный решетиловской артелью имени Клары Цеткин.

Небольшой зал промысловой кооперации. На столах стоят причудливые изделия из керамики. Они изумительно красочны. Рядом лежат мужские и женские рубашки с затейливой вышивкой. По стенам развешаны узорчатые ковры, гобелены, яркие рушники с неизменными петушками. Мы осматриваем изделия украинских художественных артелей Укрпромсовета. Перед нами богатое и разнообразное творчество украинского народа, создавшего в течение веков это своеобразное и колоритное народное искусство.

Украина издавна славится народным творчеством, своими искусными вышивальщицами, замечательными ковроделами и одаренными художниками. Все, что показано в этом небольшом зале, изготовлено украинскими артелями после войны, и это ярко свидетельствует о том, как быстро оправились они после ущерба, нанесенного фашистскими захватчиками.

Украинские художественные промыслы полностью восстановлены. Не только отстроены разрушенные помещения, но и новые ткацкие, ковровые и керамические артели стали выпускать массовую продукцию на рынок.

Исключительным успехом, как известно, пользуется украинская вышивка. Она отличается высокой техникой, богатым и красочным орнаментом. Не только каждая область, но и многие районы Украины имеют свои характерные особенности: их вышивка и по цвету и по рисунку отличается от других. Так, например, черная расцветка характерна для Подолья, красная — для Киевщины и Черниговщины, голубая и белая — для Полтавщины. Известны более пятисот методов вышивки; всеми этими способами сейчас широко пользуются украинские артели.

Большой размах получило производство ковров. Артели ковровщиков оснащены новыми станками высокой призводительности. Кустари-гуцулы делают красочные ковры с правильным геометрическим орнаментом. В восточных областях Украины на коврах вытканы рисунки, отражающие растительный и животный мир.

Сейчас украинские кустари готовятся к республиканской выставке народного прикладного искусства, поставив своей задачей наиболее полно отобразить современную тематику. Среди других образцов своих изделий они покажут на выставке два художественно исполненных гобелена по двадцать пять квадратных метров каждый. Один из них посвящен теме 30-летия Советской Украины, а второй — возвращению победителей после войны.

...Мы рассматриваем изделия из керамики: кувшины, вазы, разрисованные яркой краской, изящные и всем обликом своим отображающие богатую, цветущую Украину. Вот так называемые куманцы — сосуды для вина, получившие такое название оттого, что с таким сосудом кум идет обычно к куме в гости.

Вот причудливой формы сосуды для вина — баранчики. Они так искусно и художественно сделаны, что кажется, будто настоящая завитая шерсть покрывает их. Рядом расставлены свистунцы — детские игрушки.

Мы переходим к следующему столу, где разложены замечательные изделия искусных украинских вышивальщиц. Какие затейливые узоры вышиты их умелыми руками! Это подлинные произведения искусства. Как сложны их узоры, как любовно подобраны цвета!

В керамическом промысле наибольшей славой пользуются Опошнянская артель на Полтавщине, существующая более полутораста лет. На Украине насчитываются сейчас сотни артелей, в которых работают десятки тысяч кустарей. Среди них много высокоодаренных мастеров, сочетающих в своем искусстве исторические традиции народного творчества с современными темами социалистической Украины.

Украинский рушник.

Причудливой формы сосуд для вина — баранчик.

Глиняный кувшин.

Широкой популярностью пользуются на Украине изделия известных мастеров гончарного промысла Герасименко. Уже много поколений эта семья занимается керамическим промыслом, и последние образцы их высокохудожественных изделий показывают, как высоко стоит народное искусство в наши дни. Наряду со старыми мастерами выросли молодые представители украинского народного творчества. Восприняв у своих учителей сложную технику и многолетний опыт, они обогатили его творческим дерзновением и юношеским пылом.

Украинские художественные промыслы стали за тридцать лет советской власти крупными объединениями, раскрывающими широкий простор для развития подлинно народного искусства. В специальных учебных заведениях готовятся высококвалифицированные кадры художников-кустарей. В Кролевце существует техникум художественного текстиля, в Решетиловке и Дегтярях, издавна славящихся центрах народного творчества, — школы по подготовке вышивальщиц, ковроделов и других мастеров.

...Мы подходим к стене, на которой висит большой ковер, изготовленный решетиловской артелью имени Клары Цеткин. Богат и красочен его орнамент. Сколько труда, выдумки и высокого вдохновения показали украинские ковроделы, изготовив такой замечательный ковер! Это, однако, не уникальная вещь, которая изготовляется годами в единственном экземпляре. Такие ковры украинские артели выпускают сейчас в большом количестве, и по цене своей они значительно дешевле, чем ковры, изготовленные на Кавказе или в Средней Азии.

Рядом висит ковер, вытканный в Закарпатской области. Своими точно вычерченными геометрическими фигурами и красками он представляет собой подлинное произведение искусства, которым по праву гордятся жители Закарпатья. После воссоединения этой области с Украинской Советской Социалистической Республикой народное творчество получило здесь особенно широкий размах. Восемнадцать крупных промысловых артелей объединяют в своих рядах лучших мастеров, много тысяч искусных и талантливых людей.

Украинское народное творчество пользуется широкой поддержкой советского правительства и местных советских органов. Производственная программа артелей в 1948 году возросла на 42 процента по сравнению с 1947 годом. Украинские кустари поставили перед собой задачу—выполнить пятилетку в четыре года. Советский потребитель получит большое количество высокохудожественных изделий украинского народного творчества

Я. МИЛЕЦКИЙ

Украинский рушник.

Мужество

Борис ЗУБАВИН

Поздней осенью началась бетонировка донных отверстий, пробитых в теле плотины для снижения уровня воды у верхнего бьефа. Пришла пора снова поднимать воду: электрики заканчивали монтаж первого агрегата. Донные отверстия начали захлопывать железными щитами. Вода в Днепре подымалась. Но между щитами и неровными, будто рваными, краями донных отверстий оставались щели; вода врывалась туда с шумной, угрожающей яростью. Щели закрывали обрезками труб, обернутыми войлоком, и тяжелыми просмоленными шарами из пакли и проволоки. Потом спускались водолазы и окончательно заделывали щели мешками с цементом и деревянными клиньями. Вода усмирялась. Она теперь только скупо сочилась сквозь щит. В донные отверстия входили бригады бетонщиц. С нижнего бьефа им подавали бетон, и они начинали укладку железобетонных пробок.

Девушки работали в резиновых костюмах, у них стыли руки, а вода сочилась сквозь щит, сквозь узкие щели, готовая в любую минуту выдавить проволочные шары, трубы, обернутые войлоком, мешки с цементом и хлынуть, легко смыв своим студеным ревущим шквалом и бетонную жижу и девушек, которые, стиснув зубы, работали в донном отверстии.

Бригаде Полины Шило досталось бетонировать второе донное отверстие. Девушки начали работать, как вдруг прорвалась вода.

Когда начальник строительства плотины Александр Сергеевич Хохлов спустился к ним, девушки работали, стоя по колено в холодной воде. Полина что-то кричала.

Они продолжали подвозить и укладывать бетон, а вода хлестала в щель, мутная и холодная.

У них был свой метод работы, совершенно отличный от других бригад. Поэтому они и опередили лучшую бетонщицу Пашу Коробову, а другие бригады учились у них, как работать. Николай Сергеевич Хохлов сказал о бригаде Шило:

— Работают, как артиллерийский расчет. Ну, и крепко!

Он недавно демобилизовался из действующей армии, и все сравнения у него были военные.

Полину Шило он знал давно. Когда ее бригада впервые появилась на плотине, он несколько дней сам показывал бетонщицам, как готовить блок под бетонировку и как лучше обращаться с бадьями. Он сразу запомнил ее. Это была совершенно отчаянная девчонка. Она бралась за все работы, и все у нее выходило. Хохлову нравились ее нетерпеливость и подвижность, а ее смелость сразу же вызвала у него восхищение. Она, не задумываясь, лезла на шандоры, качалась чуть ли не на пятидесятиметровой высоте в люльке, которая, казалось, готова вот-вот сорваться. Он еще в армии привык ценить смелость солдата, а эта девчонка явно походила на солдата.

...Село, в котором жила Полина до своего приезда на Днепрострой, стояло на левом берегу Днепра, в ста километрах ниже Запорожья. Она росла беспечно и весело. Мир для нее был просторен и светел. Он был широк, он опьянял ее своими запахами, обжигал степным солнцем. Во все стороны от села лежала огромная, необъятная степь. Иногда, сидя над Днепром, она думала:

«Есть еще где-нибудь на свете такие степи, как на Запорожщине?» — и отвечала себе строго, как учитель в школе: «Нет». «А такие реки, как Днепр?» — и опять говорила: «Нет». «А лучше Днепрогэса разве есть что-нибудь?»

Днепрогэс был рядом, в ста километрах. Вечерами село купалось в его электрическом свете.

Когда пришли немцы, Полине было семнадцать лет. Она работала в колхозе. Колхоз назывался весело: «Ежиково». В Ежикове всего было вдоволь: хлеба, фруктов, скота. А немцы все это отобрали. Потянулись страшные дни. Горе пришло в каждую хату. Разве можно было назвать это жизнью? Вздохнули только, когда Советская Армия переправилась через Днепр и погнала немцев на запад, когда все свое, советское опять укрепилось в ее родных местах.

Стоял взорванный и исковерканный немецкими извергами Днепрогэс. В хатах по вечерам горели самодельные коптилки. Это угнетало Полину. Хотелось, чтобы все было как раньше, как до войны. А в хатах не было света.

Она пошла к председателю колхоза:

— Что я хочу спросить у вас, дядечка, про Днепрогэс. Восстановят его или нет? Что про это вам слышно?

— А тебе на что?—спросил председатель.— Не хочешь ли ты поехать помочь?

— А можно мне поехать?

— Можно. Дюже нам запорожское электричество в хозяйстве нужно.

— Так я поехала бы с радостью... Чтобы Днепрогэс опять работал, чтобы свет везде был, как до войны.

А придя домой, с порога она заявила:

— Мама! Скоро будет у нас электричество, не расстраивайтесь. Председатель мне сказал: будет... А еще, мама, собирайте мне чего ни нэ есть в дорогу, бо я поеду строить Днепрогэс.

И вот она работает на Днепрогэсе бригадиром бетонщиц. Сперва она училась у знаменитой Паши Коробовой, а потом так сумела расставить своих девушек, что обогнала Пашу. Бригада Полины каждую смену стала укладывать по 170 кубометров бетона, добившись самой высокой выработки на стройке.

Теперь они заделывали донное отверстие. Они работали изо всех сил. Они спешили. Хохлов, спустившись к ним, почувствовал, как холод начинает ломить, сковывать его ноги дикой болью. Потом он вспомнил про водолаза.

...Когда в донное отверстие прорвалась вода, то заделывать промоину спустились самые лучшие водолазы: Борщев, Ничипорчук и Частий. Они укладывали мешки с цементом, и Частий почувствовал, что не может шевельнуть ногами. Он сперва подумал, что запутался в какой-нибудь старой, забытой конструкции, но потом понял: ноги втянуло под щит. Холодная испарина покрыла его тело. Он знал, что это значит, если так вот притянет под щит. Сколько уж он отверстий заделал, и все обходилось благополучно, он даже не думал никогда, что может случиться это. Да и сейчас не надо думать. Пусть ребята делают свое дело: затыкают промоину мешками с цементом. Вот ведь там, за щитом, работают девчата, и они тоже, наверное, не думают, что вода может смыть их. Работают — и все... Кладут свой бетон — и все.

Он сообщил о случившемся наверх. Но там уже знали. Раньше него сообщил Борщев. Борщев и Ничипорчук, бросив укладывать мешки, стали возиться с ним, но он отогнал их. Пусть лучше скорее заделывают промоину. Его потом можно будет вытащить. Только вот в глазах стало зеленеть. Зеленые круги, зеленая вода...

Он закрыл глаза. Дышать становилось трудно. Сколько времени он под водой?.. С трудом приподняв тяжелые веки, он огляделся. Борщева и Ничипорчука не было. Значит, они ушли наверх.

— Ну, как ты там, Частий? — послышался голос в телефоне.

— Ничего,— с трудом разжал он губы.— Тяните.

Его опять стали тянуть, и опять ничего не вышло. Ноги как будто припаяло к плотине. Но тяжелее всего была голова. Она гудела, как барабан. Частий слышал, как толкалась в висках кровь. И когда он подумал о барабане, ему послышалась музыка. Будто по улице идет флотский оркестр и играет марш, а впереди всех барабанщик, и он бьет по барабану: бум-бум, бум-бум!

Бум-бум, бум-бум!—стучала в висках кровь. Казалось, что его не могут вытянуть потому, что у него тяжелая голова. Ног Частий не чувствовал. Они словно онемели, припаянные водой к плотине. Потом захотелось курить. Выкурить бы сейчас папироску — и сразу полегчает, и тогда его сразу смогут поднять.

— Как ты?—слышал он далекий, слабый голос в телефоне.

Кто-то шопотом спрашивал его, а он старался бодро кричать в ответ:

— Ничего.

Ему не хотелось кричать. Он бы с удовольствием совсем не отвечал, но они там не слышат ничего.

«Глухие, что ли?» думал он и опять шептал, едва разжимая тяжелые губы: «Ничего, ничего...» А ему казалось, что он кричит во всю глотку.

— Частий, Частий! Ты слышишь меня, Частий?—кричал в телефон тральщик. Он так кричал, что даже охрип.— Частий, ты слышишь меня?

Он умолк, вслушиваясь, сжимая трубку, отмахиваясь свободной рукой от людей, и все затихли. Немного погодя он передавал:

— Говорит: «Ничего». Какой человек! «Ничего...» Шопотом говорит, едва слыхать.

А Хохлов, постояв немного, опять спускался к девушкам.

Они работали мокрые, грязные, озябшие. Бетон ложился все плотнее, пробкой затыкая донное отверстие. Полина не выпускала из рук лопаты. Руки ныли от боли.

— Я больше не могу, не могу...—прошептала Дуся Остапенко, самая молоденькая в бригаде. Бросив лопату и отойдя к стене, она присела на корточки, сжавшись в комочек, маленькая, худенькая, измученная, похожая в резиновом комбинезоне на плюшевого медвежонка.

Полина поглядела на нее и промолчала. Она сама устала и готова была сесть так вот, как это сделала Дуся, на пол и бросить все к чорту. А вот Римма полна сил и Маруся Гужва. Откуда у них сила? «Да что я, хуже их, что ли, что брошу лопату?»—думала Полина, не зная, что все девушки, в том числе и Римма и Маруся, тоже выбились из сил и работают только потому, что работает она, их бригадир. И стоило бы ей бросить лопату, как они бы тоже бросили. Но она продолжала класть бетон, восхищаясь и удивляясь их силе и, в свою очередь, удивляя их своим упорством, в котором они черпали силу себе. Вот и Дуся, посидев около мокрой, холодной стенки, встала, пошатываясь, взяла лопату и снова принялась бросать бетон в блок.

Они работали, забывая об усталости, о стуже, о той угрожающей опасности, которая постоянно была перед ними, помня лишь одно: нужно как можно скорее восстановить разрушенный немецкими варварами Днепрострой — любимое детище советского народа.

А водолаза все никак не могли вытащить. К нему беспрерывно спускались другие водолазы, его пытались вытянуть на тросах. Все было тщетно. Вода не пускала его, удерживая под щитом за ноги.

Его удалось вытащить только на исходе шестнадцатого часа. Уже светало. Прошла холодная тревожная ночь. Первые и главные работы в донном отверстии были окончены, вода уже больше не страшила. Девушки поднялись наверх, и как раз тогда вытащили водолаза. Он лежал на плотине, на разостланном брезенте, с поврежденной ступнею ноги, большой, терпеливый, мужественный человек. Оглядев столпившихся около него людей тяжелым, усталым взглядом, он отвернулся и, шумно вздохнув, едва слышно спросил:

— Как там?..—и долго молчал, закрыв глаза, кусая и облизывая губы. Потом пошевельнулся и прохрипел:

— Девушки... как... Шило?—и увидел рядом с собою страдальчески сморщенное лицо своего друга Борщева, протянул дрожащую руку:—Закурить дай мне, Коля...

ЗНАТНАЯ БЕТОНЩИЦА ДНЕПРОГЭСА

Фото М. Альперта и С. Альперина

Справа плотина Днепрогэса имени В. И. Ленина. Внизу слева главный инженер плотины левого берега Б. И. Данилович дает задание бригадиру бетонщиц Полине Шило (крайняя справа). Внизу справа в часы досуга знатная бетонщица Полина Шило занимается со своей подругой Марией Стребко.

Нина Семенова, Павел Ткаченко, Лидия Молодченко и Дмитрий Коноваленко (слева направо) впервые сели за сборку приборов. Но работа у них идет хорошо, и Сергей Цехмистренко (крайний справа) доволен своими помощниками.

Так издавна работали сборщики точных измерительных приборов, так работал и Сергей Цехмистренко.

СМЕЛЫЙ НОВАТОР ПРОИЗВОДСТВА

Фотоочерк Н. Колли

Издавна сборка точных измерительных приборов от первого до последнего винтика производилась руками одного человека. Эта работа была под силу лишь высококвалифицированным мастерам сборки. Достичь такой степени квалификации можно было, проработав несколько лет.

Но и самый искушенный в работе сборщик не мог резко повысить производительность труда, увеличить выпуск готовой продукции — ведь ему приходилось проделывать за день сотни различных операций, пользоваться десятками инструментов.

Сборщик киевского завода «Точэлектроприбор» Сергей Цехмистренко собирал за смену вместо одного два прибора. Это был отличный результат. Но разве это могло повлиять на общий ход работы сборочного цеха? Высококвалифицированных сборщиков нехватало, цех тормозил работу всего завода.

И Сергей Цехмистренко решил, что выход может быть найден только в переводе сборки на поток. Много вечеров просидел он над расчетами, над разработкой нового технологического процесса, и, когда вчерне все было готово, Цехмистренко поделился своими планами с главным конструктором завода Я. С. Авербухом.

Результаты превзошли все ожидания. Цехмистренко с помощью четырех молодых рабочих, впервые начавших работать на сборке, стал давать за смену двадцать готовых приборов. Качество их было отличным. Благодаря поточному методу работы Сергей Цехмистренко уже закончил выполнение пятилетнего плана.

Инженер А. Ф. Незабытовской закончил проверку аппаратов, собранных бригадой Цехмистренко. «Посмотрите,— говорит он,— справа вы увидите прежнюю сменную выработку Цехмистренко — два аппарата, а слева сегодняшнюю — двадцать один прибор. Теперь только поспевай их проверять».

Министр электропромышленности СССР И. Г. Кабанов высоко оценил достижения сборщика Сергея Цехмистренко:

— Это несомненно,— выдающееся явление в нашей молодежи, не имеющей еще достаточного опыта в промышленности точного электроприборостроения,— сказал министр.

Киевский завод точных электроизмерительных приборов, созданный в годы послевоенной пятилетки, стал одним из передовых заводов этой отрасли промышленности.

До сих пор у нас и в мировой промышленности точного приборостроения сборка точных приборов (амперметры, вольтметры класса 0,2 и 0,5 и др.) производилась от начала до конца одним человеком. Заслуга Сергея Цехмистренко в том, что он двинул вперед советскую инженерную мысль и, как смелый новатор, раскрыл перед нашей промышленностью точного электроприборостроения огромные перспективы. Предложенные им поточный метод и конвейер для сборки точных измерительных приборов позволят нам значительно раньше срока выполнить пятилетний план приборостроения.

Производственный успех Сергея Цехмистренко — достойный подарок к 30-летию Советской Украины.

От души поздравляю смелого новатора производства.

ЮБИЛЕЙ А. С. СЕРАФИМОВИЧА

[illegible] доме литераторов состоялось торже[illegible] собрание, посвященное 85-летию А. С. Серафи[illegible]

[illegible] приветствовали Вс. Вишневский, Н. Телешов, [illegible] В. Бонч-Бруевич, В. Ильенков, А. Сурков, пред[illegible] Института мировой литературы имени Горького, [illegible]дарственного литературного музея, Гослитиздата и [illegible] учреждений и организаций.

[illegible] выступавшие говорили о жизни и твор[illegible] [illegible]-большевика. На имя юбиляра поступили [illegible] приветствия от общественных организа[illegible] литературы и искусства, трудящихся города [illegible]

[illegible] Н. Д. Телешов (читает приветствие), А. С. [illegible] и А. А. Фадеев.

Фото [illegible]

Прибытие в Москву Польской Правительственной Делегации во главе с Премьер-Министром г. Ю. Цыранкевичем. На снимке: В. М. Молотов, г. Ю. Цыранкевич и сопровождающие их лица на Белорусском вокзале.

Фото Н. Петрова

ПОЛЬСКАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В МОСКВЕ

15 января в Москву прибыли Премьер-Министр Польской республики г. Ю. Циранкевич, Заместитель Премьер-Министра г. В. Гомулка, Министр Промышленности и Торговли г. Г. Минц, а также Заместитель Министра Промышленности и Торговли г. Л. Гросфельд, директор Департамента Министерства Промышленности и Торговли г. Л. Ружаньский и другие официальные лица.

На Белорусском вокзале прибывших встречали Заместитель Председателя Совета Министров и Министр Иностранных Дел СССР В. М. Молотов, Заместитель Министра Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинский, Заместитель Министра Внешней Торговли СССР А. Д. Крутиков, Заместитель Председателя Моссовета Т. А. Селиванов, Торговый Представитель СССР в Польше М. Г. Лошаков, Комендант г. Москвы генерал-лейтенант К. Р. Синилов, Заведующий 4-м Европейским Отделом МИД СССР А. М. Александров, Заместитель Заведующего Протокольным Отделом МИД СССР К. А. Кочетков.

Прибывших также встречали члены Посольства Польской республики в Москве во главе с Послом г. М. Нашковским и главы ряда Посольств и Миссий, аккредитованных в Москве.

Одновременно в Москву прибыл Посол СССР в Польше В. З. Лебедев

Вечером 15 января Премьер-Министр Польской республики г. Ю. Циранкевич присутствовал в Зале имени Чайковского на первом концерте польских музыкантов, приехавших в Москву по приглашению ВОКС Комитета по Делам Искусств при Совете Министров СССР.

На концерте присутствовали Заместитель Министра Иностранных Дел А. Я. Вышинский, польский Посол в СССР г. М. Нашковский, Посол СССР в Польше В. З. Лебедев, члены дипломатического корпуса, представители советской общественности.

16 января Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин и Министр Иностранных Дел В. М. Молотов приняли Председателя Совета Министров Польской республики г. Ю. Циранкевича, Заместителя Председателя Совета Министров г. В. Гомулка и Министра Промышленности и Торговли г. Г. Минца.

На приеме присутствовали советский Посол в Польше В. З. Лебедев и Польский Посол в СССР г. М. Нашковский.

В тот же день Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник принял в Кремле Председателя Совета Министров Польской республики г. Ю. Циранкевича.

17 января Заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр Иностранных Дел В. М. Молотов устроил прием в честь Польской Правительственной делегации.

КОНЦЕРТЫ ПОЛЬСКИХ АРТИСТОВ

[illegible]

Е. Уминская, игравшая первый концерт Шимановского с оркестром, блесну[illegible]

[illegible]

X ЖЕНСКИЙ ШАХМАТНЫЙ ЧЕМПИОНАТ

Чемпион СССР — Елизавета Быкова

26 декабря в клубе работников [illegible] мышленности в [illegible] чемпионат СССР [illegible]

Фото [illegible]

Траурный митинг памяти С. М. Михоэлса. Выступление председателя Славянского Комитета СССР генерал-лейтенанта А. С. Гундорова. Рядом с трибуной (слева направо): народный артист республики В. Л. Зускин, Заместитель председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР В. Н. Сурин, народный артист республики И. Н. Берсенев.

Фото В. Мастюкова (ТАСС)

ПОХОРОНЫ С. М. МИХОЭЛСА

[illegible], крупнейшего ре[illegible] Еврейского [illegible] Государственного еврей[illegible] артиста СССР, лауреата Сталинской премии С. М. Михоэлса.

Гроб с телом [illegible] в [illegible] Государственного [illegible].

[illegible] последний долг [illegible] сыну Родины, прошли десятки [illegible].

Перед выносом тела состоялся траурный митинг, который открыл народный артист республики И. Н. Берсенев.

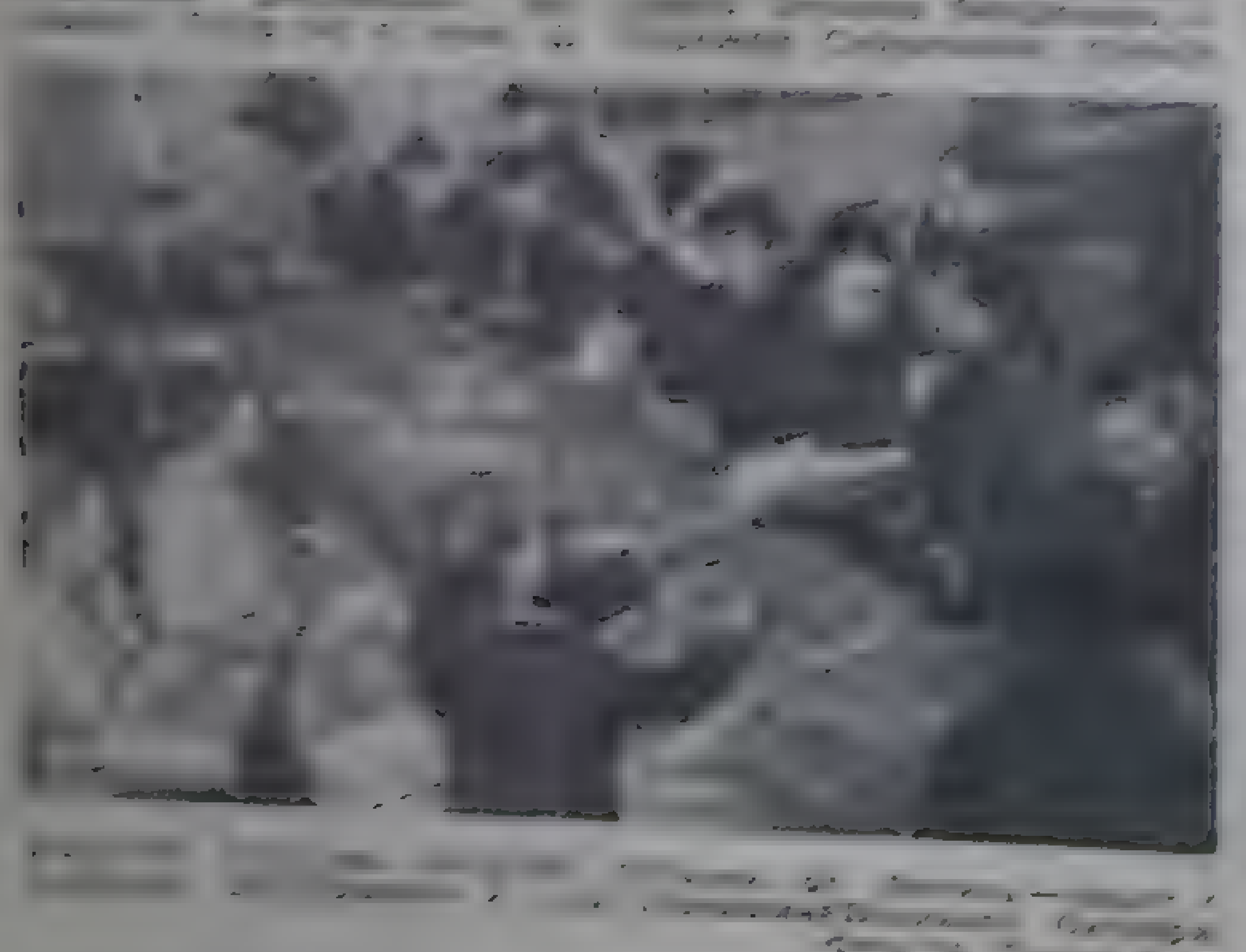
На митинге выступили Заместитель Председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР В. Н. Сурин, народный артист республики В. Л. Зускин, от Славянского комитета СССР — генерал-лейтенант А. С. Гундоров, от Еврейского антифашистского комитета — поэт И. С. Фефер, председатель ЦК профсоюза работников искусств [illegible], генеральный секретарь Союза советских писателей и председатель Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы А. А. Фадеев, народные артисты республики Н. А. Зубов и А. Я. Таиров, профессор [illegible].

Под звуки траурной музыки гроб с телом С. М. Михоэлса был вынесен ближайшими [illegible].

В тот же день состоялась кремация.

Юные друзья книги

[illegible]

[illegible]

[illegible] шевистской партии, об истории революции и чтобы эти книги были понятны ребятам пятых и шестых классов. Восьмиклассник Виктор Рашкис просит побольше книг о Родине. «У нас много книг о родной стране, но нет единой, в которой можно было бы найти все самое существенное о нашем социалистическом государстве», — пишет Виктор. Ученица 7-го класса Ира [illegible] вполне резонно замечает, что «больше пишут о мальчиках, а о девочках почти совсем нет книг, а ведь у советских девочек тоже большие интересы и о них можно написать интересную книгу».

[illegible]

[illegible] телей 9 января [illegible] трибуны [illegible] имени Чайковского [illegible] вдохновенные слова [illegible] любви к советской [illegible], к партии — [illegible] вождю [illegible] телей Москвы [illegible] зачитал письмо [illegible] писателям и Госу[illegible] издате[illegible].

[illegible] были названы [illegible] ним можно проследить, [illegible] интересуется молодое пок[illegible] нашей страны, что [illegible] его больше всего. И [illegible] это не показатель [illegible] советского патриотизма?

А. ЗАХАРОВ

Юбилей выдающегося славяноведа

Академик Н. С. Державин [illegible] чает на приветствия.

Фото [illegible]

11 января [illegible] Ленинграда [illegible] ственно отметила [illegible] со дня рождения [illegible] научной деятельности замечательного [illegible] ского ученого академика Николая Севастьяновича Державина.

Перу ученого [illegible] 300 работ, [illegible] дований и статей по вопросам [illegible] истории, литературы, фольклора славянских [illegible].

Юбиляра тепло приветствовали академик [illegible], Герой Советского Союза [illegible] В. В. [illegible]

Чествование художника и педагога

[illegible]

В [illegible] художественно[illegible] искусству.

Интересны [illegible] художником [illegible] периода учебы в [illegible]

[illegible] тью П. П. Пашкова [illegible] при раскрытии [illegible]

[illegible] юбиляра, на[illegible] премии Е. Д. Ту[illegible] [illegible] ваемой Пашковым [illegible] другим коллекти[illegible]

[illegible] авторитетом [illegible] ративном иск[illegible]

[illegible] ности выступили на [illegible] ссора Пашкова [illegible] СССР Ф. Ф. Федоров[illegible] Герасимов.

[illegible] профессора [illegible] На снимке: П. П. Пашков с учениками.

Фото [illegible]

За неделю

1. ЕДИНАЯ ВОЛЯ

[illegible] народов [illegible] имена [illegible] народов едино [illegible] к победе одна»— эти замечательные слова из письма хлопкоробов Узбекистана товарищу Сталину в годы Великой Отечественной войны можно поставить эпиграфом к яркой, богатой, многообразной жизни народов нашей великой, необъятной страны.

В воскресенье, 11 января, состоялись выборы в местные Советы депутатов трудящихся в Белорусской, Казахской, Грузинской, Азербайджанской и Киргизской советских союзных республиках, а в пятницу, 16 января, выборы прошли и в советском Таджикистане.

И как бы ни были далеки одна от другой быстро возрождающаяся после войны лесистая Белоруссия и неисчерпаемая кладовая цветных металлов — степной Казахстан, овеянная южными ветрами богатая [illegible], субтропическая Грузия и окруженные высокими горами высокогорные долины Киргизии, богатый нефтью Азербайджан и республика еще не раскрытых возможностей — советская Таджикия, — повсюду в эти дни особенно радостно; народы воспевали и славили одни и те же победы — блестящие плоды ленинско-сталинской национальной политики, создавшей невиданное нигде в мире братское содружество народов.

Еще не взошло зимнее солнце, когда зажглись огни иллюминации у избирательных участков. И народ пошел к избирательным урнам, как на великий всенародный праздник. У всех на устах было имя Сталина — первого всенародного кандидата, имя, олицетворяющее все победы страны социализма. За него — отца и друга народов, — за его ближайших соратников, виднейших государственных и общественных деятелей, были отданы первые голоса. А за ними следовали имена лучших сыновей и дочерей народа, людей, прославившихся на различных поприщах труда и неразрывно связанных с народными массами.

Уже подведены итоги этого всенародного голосования. И везде одинаковые данные: участвовали в голосовании почти 100 процентов зарегистрированных в списках избирателей, 100 процентов без нескольких сотых; все это количество голосов отдано кандидатам сталинского блока коммунистов и беспартийных. Такого единодушного вотума не знает ни одна страна в мире! Народы СССР проголосовали за свою родную советскую власть, за великую партию Ленина — Сталина!

Минск. Избирательный участок № 26 Сталинского района. На снимке: группа молодых избирателей, первыми проголосовавших за своих кандидатов.

Фото М. [illegible]

2. ЗА ПЯТИЛЕТКУ В ЧЕТЫРЕ ГОДА!

1947 год ушел в историю, овеянный славой замечательных побед на всех участках борьбы за скорейшее восстановление и дальнейшее развитие советского народного хозяйства.

Опубликованное «Сообщение Госплана СССР об итогах выполнения государственного плана восстановления и развития народного хозяйства в 1947 году» свидетельствует о том, что страна сделала за истекший год громадный шаг вперед по пути выполнения грандиозных задач новой сталинской пятилетки.

«План на 1947 год по валовой продукции всей промышленности СССР, — говорится в сообщении, — выполнен на 103,5 процента. План двух первых лет пятилетки по валовой продукции промышленности СССР выполнен за 1946 и 1947 годы на 100 процентов». Чувство радости и законной гордости вызывают эти слова в сердцах советских тружеников. По сравнению с 1946 годом валовая продукция промышленности в 1947 году выросла на 22 процента, сельского хозяйства — на 32 процента. Всенародное социалистическое соревнование было решающей силой, обеспечившей выполнение и перевыполнение плана второго года послевоенной пятилетки.

Вот шагающий впереди героический Ленинград. Промышленность города Ленина выполнила план прошлого года по валовой продукции на 124,7 процента, а Ленинградской области — на 107,4 процента.

Москва за 1947 год увеличила выпуск продукции почти на 30 процентов.

Радостные вести приходят из Белоруссии, Грузии и Армении, Эстонии и Латвии, Туркмении и Молдавии, из всех краев и областей. Отовсюду!

Но еще больше бодрости и надежд вселяет начало 1948 года. Этот год имеет все основания в значительной мере превзойти славой своего предшественника. Об этом говорят сообщения о работе фабрик и заводов за первую половину января.

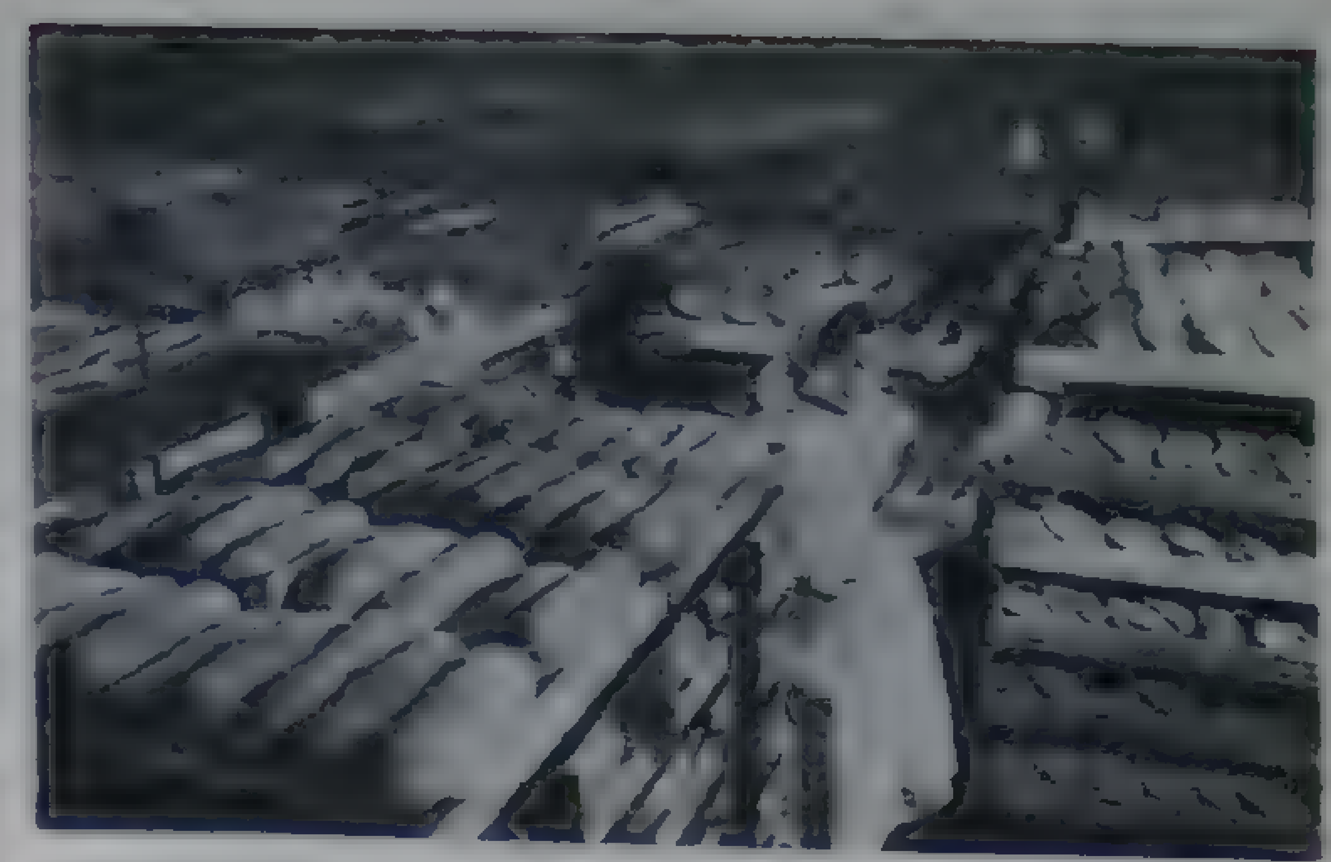

Донбасс. Ново-Краматорский завод имени Сталина. На снимке: знатный токарь механического цеха № 1 И. А. Мирошниченко, выполнивший за 10 месяцев пять годовых норм.

Фото С. [illegible]

На наших металлургических гигантах — Магнитогорском и Кузнецком заводах — перевыполняются планы выплавки чугуна и стали. На угольных шахтах Донбасса, Кузбасса, Караганды, Подмосковного бассейна растет добыча угля с первых же дней января. 1948 год начался постепенным нарастанием темпов производства угля и металла. Это хороший признак! К этим отраслям присоединяется лесная промышленность. Лес нам сейчас нужен так же, как уголь и металл. Письма товарищу Сталину, идущие из лесозаготовляющих районов, — всенародно взятые обязательства дать в 1948 году леса столько, сколько нужно для успешного выполнения планов восстановления народного хозяйства и дальнейшего движения вперед. А слово, данное товарищу Сталину, — крепкое слово!

Под девизом «Пятилетку в четыре года» страна наша уверенно идет вперед, к новым победам на всех участках производственной деятельности.

Москва. Хлебозавод-автомат № 4, выпускающий в сутки 300 тонн продукции. На снимке: бракер А. Н. Карасева проверяет качество выпеченных батонов.

Фото М. Савина

3. КРЕПКИЙ РУБЛЬ И ОТКРЫТАЯ ТОРГОВЛЯ

Прошел первый месяц со дня отмены карточек на продовольственные и промышленные товары и проведения денежной реформы. Хрустят в руках новенькие банковские билеты. [illegible] ним еще не привыкли, их еще бережно [illegible] и разглаживают, прежде чем сдать в кассу. Но как радостно и приятно стало зарабатывать этот твердый рубль!

Полноценный рубль и единые цены на товары вызвали значительное снижение цен на колхозных рынках. Об этом пишут нам из Приморского края и Кузбасса, из [illegible] и [illegible], из [illegible] и Минска. Подвоз продуктов на рынки с каждым днем усиливается. Спрос на товары растет — это обязывает предприятия легкой, [illegible] и пищевой промышленности и промысловую кооперацию работать с полной нагрузкой, расширять ассортимент, строго следить за качеством продукции.

Еще месяц назад любой товар, появившийся на полках магазинов, расхватывался без особых затруднений для продавцов. Бесполезно было поднимать спор о качестве.

Теперь не то. Производственники начинают понимать, что больше нельзя игнорировать качество продукции: за полноценный рубль давай полноценный товар! Начинают перестраиваться и промысловая кооперация и отделы рабочего снабжения на предприятиях. Орс Уралмаша, например, за месяц тор-

Ленинград. Торговля [illegible]. На снимке: [illegible]

Фото [illegible]

[illegible]

Таковы краткие общие итоги первого месяца [illegible] советской торговли по новым ценам на новые советские деньги. И если в капиталистических странах трудящиеся стоят перед мрачной перспективой экономического кризиса и безработицы, то любой гражданин Советского Союза, заходя в магазин или в заводскую столовую, говорит:

— Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее!

Н. Раневский

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

К. ГОФМАН

1. КОММИВОЯЖЕРЫ «ПЛАНА МАРШАЛЛА» ЗА РАБОТОЙ

В течение [illegible] состоятся две «европейские» [illegible], посвященные «плану Маршалла»: второе [illegible] совещание 16 [illegible] редь к американской кассе, и конференция западноевропейских социалистических [illegible] специально созыва[illegible] италистическому плану американских экспансионистов [illegible].

Как сообщила английская печать, инициатива созыва обеих конференций принадлежит лейбористским лидерам. Они же взяли на себя и [illegible] подготовку. [illegible] появлена после соответству[illegible] «консультаций» Лондона с Вашингтоном.

[illegible] известный лондон[illegible] комментатор Лин[illegible] три опас[illegible] стране предвыборной борьбой в связи с предстоящими осенью 1948 года президент[illegible] столько урезать намеченные Маршаллом ассигнования, что «помощь» не достигнет цели. Как известно, уже [illegible] сессии [illegible] американское [illegible] изъяло из [illegible] ранее внесенного законопроекта предложение об ассигновании 17 миллиардов [illegible] мечавшихся для удовлетворения заявок 16 европейских государств на 4-летний срок действия «плана Маршалла» с 1948 по 1951 год. Конгресс [illegible] предложено заняться рассмотрением ассигнований в сумме 6,8 миллиарда [illegible] ров, предусмотренной для первых 15 месяцев. Но и эту [illegible] и предлагает сократить по крайней мере наполовину.

Вторая опасность, по мнению Фрезера, заключается в том, что США могут настолько затянуть осуществление про[illegible] государства в связи [illegible] гаранти[illegible] ровать выполнение обязательств, возлагаемых на них [illegible].

Наконец, в-третьих, «план Маршалла», после его [illegible] оказаться отягощенным такими условиями, которые [illegible] делают его неприемлемым даже [illegible].

Однако Фрезер не раскрыл главной причины тревог [illegible] плана [illegible] в США, а именно, что этот план встречает все более серьезное сопротивление со стороны народов западноевропейских [illegible] закабалить. Для на[illegible].

конференция социалистических партий стран Западной Европы, участвующих в плане [illegible] Маршалла», по мысли их [illegible] должна [illegible] выраженном антисоветском [illegible], в духе тех идей, которые развернул лидер лейбористской партии и глава [illegible] Их развивал еще два года назад Черчилль в своей фултонской речи.

[illegible] консервативная и лейбористская печать видит главную задачу второй парижской конференции в том, чтобы она реализовала план создания «объединенной Западной Европы», и чтобы она ско[illegible] ристские лидеры претендуют [illegible] Но понятно, магнаты Уолл-стрита вовсе не собираются уступать англичанам — будь то лейбористы или консерваторы — лидерство в западном [illegible].

Однако и вдохновители «плана Маршалла» в Вашинг[illegible] которые произошли в Европе со времени первой парижской конференции 16 стран. [illegible] Италии, Греции и в других странах [illegible] действуют о непрерывном [illegible] сил демократии, о твердой решимости народов не подчиняться диктату американских монополий. [illegible] американский курс руководителей [illegible] западноевропейских государств все более приходит в противоречие с [illegible] Европы, борющихся за установление в своих странах новых, демократических порядков.

2. ПОСЛЕ ФРАНКФУРТСКОГО АКТА

Сигнал из Вашингтона о подготовке второй парижской конференции был дан Лондону после того, как генералы Клей и Робертсон осуществили на франкфуртском совещании первый этап [illegible] включения Западной Германии в европейское экономическое сотрудничество». Он выразился в проведении реорганизации административного управления Бизонии [illegible] западногерманское государство». Как известно, согласно схеме Даллеса — [illegible] часть «плана Маршалла», создание западногерманского государства» должно проводиться одновременно с подготовкой «западной федерации» и сколачиванием западного блока.

На лондонской сессии Совета Министров иностранных дел и после срыва ее западными державами В. М. Молотов предостерегал от последствий сепаратных действий этих держав, направленных к расчленению Германии и к расколу Европы. В своем заявлении, посвященном итогам лондонской сессии, В. М. Молотов говорил: «Теперешний американский план является выражением интересов определенных американских кругов, а западная часть Германии в данном случае лишь объект, используемый в интересах американского экспансионизма».

События, развернувшиеся после франкфуртского акта, целиком и полностью подтверждают справедливость всех предостережений, сделанных В. М. Молотовым. Продиктовав во Франкфурте немецким политическим марионеткам колониальный статут, превращающий Бизонию в сепаратное «западногерманское государство», американская военная администрация поспешила оповестить весь мир о том, что отныне «Западная Германия получила возможность играть реальную и существенную роль в развитии экономики Западной Европы с помощью плана Маршалла».

10 января, через два дня после франкфуртского акта, в Лондоне состоялось совещание так называемого «комитета социалистических конференций», представляющего собой замаскированное бюро II Интернационала. Этот комитет был создан на состоявшейся в декабре в Антверпене международной конференции социалистических партий, [illegible] жения [illegible] золюции, одо[illegible] Маршалла». [illegible] тели [illegible] стран Восто[illegible] и итальянская [illegible] ская партия. На [illegible] «Комитета [illegible] конференций» в [illegible] аналогичная резолюция [illegible] провалилась. Тогда [illegible] лейбористской партии [illegible] явила, что берет на себя инициативу созыва сепаратной конференции западноевропейских социалистических партий, которая целиком будет посвящена «плану Маршалла».

Присутствовавший на лондонском совещании Шумахер бурно приветствовал эту инициативу английских лейбористов.

Нетрудно догадаться, почему вдохновители «плана Маршалла» и расчленения Германии ищут опоры у реакционных западноевропейских социалистов. Американский журнал «Амерэйша» весьма кстати опубликовал любопытный документ — текст секретного циркуляра союза магнатов германской промышленности, разосланный его членам после Версальского мира. В этом циркуляре говорилось: «Для того, чтобы обеспечить нормальный поиск нормальное господство людей свободной инициативы, нам мало наших собственных сил. Надо опереться на социально-чуждых нам, но близких по реализму своих взглядов людей из социал-демократии».

Мы видим, что этот [illegible] германских монополистических магнатов усвоен и американскими бизнесменами. В лице английских лейбористских лидеров, в лице Леона Блюма и Сарагата воротилы Уолл-стрита имеют одного [illegible] и теоретиков и практиков раскола сил антиимпериалистического лагеря.

Эти же интересы международных бизнесменов защищает и Шумахер. Он вернулся из Лондона в Германию окрыленный надеждами, что скоро станет в ряды международных коммивояжеров по реализации «плана Маршалла».

Но события показали, что политическая обстановка в Западной Германии после франкфуртского акта продолжает накаляться. Трудящиеся Германии, [illegible] политику расчленения [illegible] ведут борьбу за [illegible] ние ее экономического и политического единства. [illegible] накануне франкфуртского совещания по всей Бизонии прокатилась волна [illegible] демонстраций. Эти [illegible] являются не только [illegible] стом против все [illegible] гося продово[illegible] политического недо[illegible] немецкого народа [illegible] Бизонии.

Провалились по[illegible] ципаторов расчл[illegible] нии приписать [illegible] кого народа за [illegible] фическому «коммуни[illegible] скому заговору». На [illegible] руку состряпанная [illegible] ка о таинственном «п[illegible] М», в соответствии с [illegible] якобы организуются [illegible] Руре и других [illegible] столько была [illegible] нитками, что от нее [illegible] вались официаль[illegible] [illegible] властей. По [illegible] агентства Рейтер, как [illegible] ские, так и [illegible] ники в Германии [illegible] ские деятели в [illegible] селах заявляют, что [illegible] ходящие [illegible] не связаны с [illegible] писываемой коммунистам.

Политика [illegible] мании — вот что [illegible] [illegible] рого, который все [illegible] [illegible] в борьбу за [illegible] единство, за демократи[illegible] послевоенное устройство [illegible] мании на основе [illegible] Ялты и По[illegible].

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА В БУДАПЕШТЕ

За 25 лет существования режима Хорти венгерский народ [illegible] был закрыт от [illegible] культуры и от [illegible]. Попытки издания на венгерском языке произведений советских писателей сопровождались большим риском и преследованием со стороны хортин[illegible]. Только с прихо[illegible] ских писателей.

Издано уже больше 200 названий. На книжных витринах, кроме произведений классиков русской литературы, появились [illegible] Горького, А. Толстого, Шолохова, Фадеева и других советских писателей.

Венгерский народ с жадностью читает эти книги. [illegible] в Будапеште орг[illegible] на первая русская би[illegible] имени М. Горького. В ее орга[illegible] принял председатель Союза венгерских издателей известный венгерский издатель Чарейфалви Имре, издавший на венгерском [illegible] Чехова, Горького, Шолохова, Н. Островского, Фадеева, Соболева, [illegible] таева. Много [illegible] мени работе [illegible] знаток [illegible] русском, английском и других языках, изданных в Советском Союзе и других [illegible].

В [illegible] ряжении читателя — [illegible], Лермонтов, Гоголь, [illegible] Достоевский, Некрасов, [illegible] Салтыков, [illegible] Тургенев, [illegible] на [illegible] языке, а также изданные в [illegible].

Несмотря на то, что библиотека платная, число абонентов все время [illegible]. В первый [illegible] библиотеки [illegible] [illegible] неров, много служащих и студентов.

При [illegible] организованы курсы по изучению русского языка, которые посещают 150 человек.

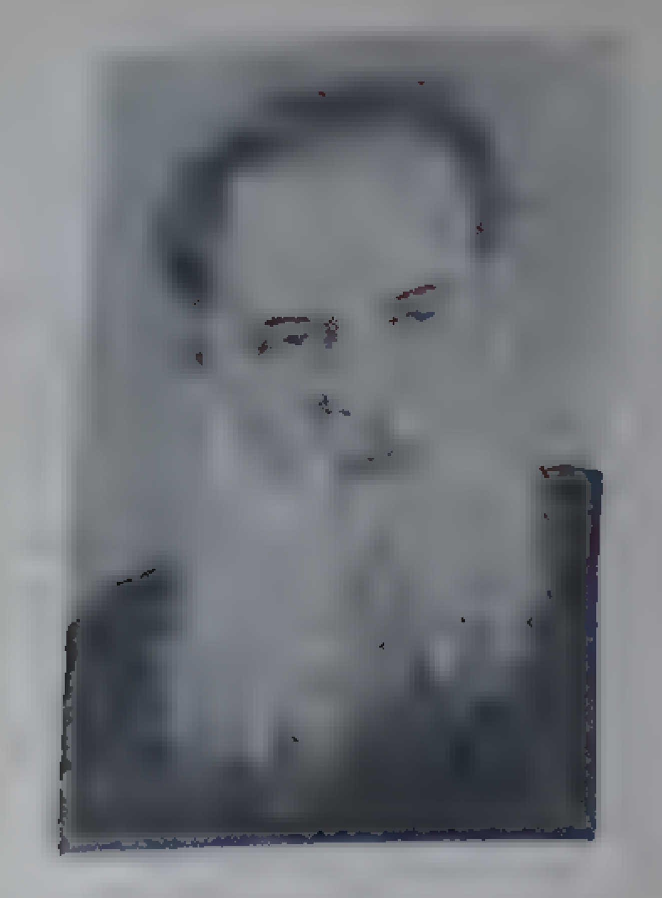
Библиотека имени Горького для своих читателей и слушателей курсов русского языка систематически проводит вечера советской музыки и показывает советские фильмы.

На вечере, посвященном 30-летию советской власти, [illegible] шатели курсов русского языка декламировали произведения советских и венгерских поэтов на [illegible] языке и [illegible] поэтов на венгер[illegible].

[illegible] оборудованная, [illegible] имени Горького [illegible] советской культуры [illegible] трии. Венгерский [illegible] все больше и больше через советскую литературу, кинокартины и музыку знакомится с высокой культурой народов первого в мире государства рабочих [illegible].

Читальный зал библиотеки имени Максима Горького. Здесь же проводятся занятия курсов русского языка.

ШЕЛКОВАЯ ГОРКА

Из уральских сказов

П. БАЖОВ

Рисунки В. Баюскина

Наше семейство из коренных невьянских будет. В этом самом заводе начало получило.

Теперь, конечно, людей нашей фамилии по разным местам можно встретить, только вот эта усадьба, на которой мы с тобой разговариваем, наша початочная. До большого невьянского пожару тут, помню, избушечка стояла. Она покойному родителю от дедушки досталась, а тот не сам ее строил, тоже по наследству получил. Небольшая избушка. Ну, рублена из кондового лесу. Такого по нынешним временам близко жилья не найдешь. Дивиться надо, как старики этакие бревна ворочали. Что ни венец — то и аршин. На сотни годов ставили.

Вот и посчитай, сколько наше семейство тут проживает, коли большой невьянский пожар пришелся на голодный, 91-й год. С той поры близко шести десятков прошло, а от начала-то сколько?

Тоже, поди, за эти годы наши семейные что-нибудь видели. И глухонемых в роду не бывало. Одни, значит, рассказывали, другие слушали, а потом и сами рассказывали. Если такое пособрать, много, я думаю, занятного окажется.

Это я вот к чему

Наш Невьянский завод считается самым старым в здешнем краю. К двумстам пятидесяти подвигается, как тут выпущен был первый чугун, а мастера Семен Тумаков да Аверкий Петров проковали первое железо и за своими мастерскими клеймами отправили на воеводский двор в Верхотурье. Строитель завода Семен Куприяныч Вакулин — спасибо ему — не забыл об этом записать, а то мы бы и не знали, кто починал наше железко, коим весь край живет столько годов.

Понятно, что всякий, кому понадобится о нашей заводской старине рассказывать, непременно с нашего завода начинает. Не одна книжка про это составлена. Случалось мне, читывал... Занятно пишут, только все больше о заводских хозяевах, о Демидовых то есть. Сперва, конечно, побасенку расскажут, как Никита Демидов царю Петру пистолет починил и за это будто бы в подарок получил только что отстроенный первый завод, а потом и примутся расписывать про демидовскую жизнь. Кому охота, может, по этим книжкам и то узнать, где какой Демидов женился, каких родов жену взял и сколько за ней приданого получил, в котором месте умер и какой ему памятник поставлен: то ли итальянского мрамора, то ли из здешнего чугуна. Известно, хозяева высоко себя ставили, про всякий свой чих норовили в книжку записать.

Не стану хаять первых Демидовых — Никиту да Акинфия. Конечно, трудно от них народу приходилось, и большие деньги они себе заграбастали, только и дело большое поставили и умели не то что в большом, а и в самом маленьком полезную выдумку поймать и в ход пустить. И за то этих двух Демидовых похвалить можно, что за иноземцев не хватались, на своих мастеров надеялись. Ну, каковы бы ни были Демидовы, все-таки не сами они руды искали, не сами плавили и до дела доводили. А ведь много тут зорких глаз да умелых рук требовалось. Немало и смекалки да выдумки приложено, чтоб демидовское железо на славу вышло и за границу поехало. Знаменитые, надо думать, мастера были, да вот в запись не попали.

Думал, на этих годах раскопают про них по заводским архивам, да не дождался пока. В книжках, какие в недавних годах вышли, больше старое на новый лад перебирают, а толк один: все Демидовы да Демидовы, будто и не было тех людей, кои самих Демидовых столь высоко подняли, что их стало видно на сотни годов.

Старину, конечно, зря ворошить не к чему, а бывает, что она вроде и понадобится. Недавно вот такой случай вышел.

Моей-то старшей дочери с вешней Авдотьи, с Плющихи, пятидесятый пошел. Сама давно бабушкой стала. Так вот ее-то внучонок, мой, стало быть, правнучек, прибежал ко мне. Полакомиться, видно, медком захотелось, потому как я всегда к пчелкам приверженность имел. Раньше, как еще на заводе в работе был, и то улей — два в огороде держал, а теперь, на старости лет, одно у меня занятие — за пчелками ходить.

Прибежал, значит, Алексейко ко мне и говорит:

— Дедушко, я пособлять пришел: мед выкачивать.

Лето нынешнее не больно удалось для пчелиного сбору. Ну, для такого пособника как не найти кусочка. Вырезал ему сотового медку:

— Ешь на здоровье! А качать потом будем, когда время придет.

Поедает Алексейко медок, а сам старается рассказать все свои ребячьи новости. Шустрый он у нас мальчонка, разговорчивый и книжку почитать любит. В этом разговоре вдруг и спрашивает меня:

— Дедушко, ты слыхал про камень асбест?

— Как,— отвечаю,— не слыхал, коли в наших местах его сперва раскопали и в дело произвели.

Алексейко в спор:

— Неправильно, дедушко, судишь! В итальянской земле это дело началось. Там одна женщина Елена, по фамилии Перпинети, самая первая научилась из асбеста нитки прясть и Наполеону, когда он был в итальянской земле, поднесла, говорят, неопалимый воротник. За эту выдумку, что она научилась с асбестом обходиться, ту женщину наградили, медаль особенную выбили для почету. А было это в тысяча восемьсот шестом году. В книжке так напечатано, а ты говоришь,— в нашем заводе!

Ребенок, конечно. Чужие слова говорит, а все-таки обидно слушать. Печатают, а того не сообразят, что Акинфий Демидов чуть не сотней годов раньше Наполеона жил, а про этого Акинфия рассказывают, что поделками из каменной кудели он весь царский дворец дивил. Значит, тогда уж в нашем заводе научились из асбеста прясть и ткать, плести и вязать. А как это началось, мне не раз случалось слыхать в своем родстве. Вот и говорю Алексейку:

— Ты про итальянскую Елену вычитал, а теперь послушай про нашу невьянскую Марфушу. Она, ежели разобраться, тебе и в родстве окажется. Такая же, сказывают, курносенькая да рябенькая была и посмеяться любила. По этой примете ей и кличку дали: Марфуша Зубомойка.

Жила эта Марфуша Зубомойка в давних годах. Тогда еще не то что Наполеона, а и бабушки его на свете не было. Заводскими делами в те годы у нас правил Акинфий Демидов. Он, конечно, больше рудниками да заводами занимался, только и мелкое хозяйство на примете держал. В числе прочего была при барском доме обширная рукодельня. Пряли да ткали там, шитье тоже, вязанье да плетенье разное. В эту рукодельню брали больше сироток, а когда и девчонок из многодетных домов. Держали их в рукодельне до выданья замуж, а кои посмышленнее окажутся, тех и вовсе не отпускали. Девчонки знали про это и старались раденья не оказывать. Ну, их строгостью донимали. Управляла рукодельней какая-то демидовская сродственница Фетинья Давыдовна. Вовсе еще не старая, а до того выкомура да придира, что и в старухах редко такую найдешь. Одно слово, мучительница.

Меж рукодельниц были и такие, что себя с малых лет на работе показали. Этих Фетинья больше всех допекала. Как ни хорошо сделают, она найдет изъян, уроку надбавит да еще наколотит. На это у ней больно проста рука была. Ясное дело, от такого житья добрым мастерицам хоть в воду. Случалось, и в бега пускались, да удачи не выходило: поймают, выпорют на конюшне да той же Фетинье сдадут, а хозяин еще наказывает:

— Ты гляди за девками-то! Не разевай рот! В случае и самой отпущу. Не жалко мне.

После такого хозяйского наказа Фетинья того пуще лютует. Прямо житья от нее не стало, а Марфуше Зубомойке на особицу.

Эта девушка, говорят, из себя не больно казиста была, а характеру нелегкого, веселая и до того на работу ловкая, что любой урок ей нипочем. Будто играючи его делала. Ну, а давно примечено, что люди вроде Фетиньи сильно не любят веселых. Фетинье, видишь, охота было прижать Марфушу до слезы, а та не поддавалась да еще своим мастерством маленько загораживалась. Хозяйка и сам хозяин знали ее за самолучшую мастерицу, и чуть что похитрее понадобится, говорили Фетинье:

— Пошли Марфутку! Заказ ей будет, да, гляди, не путай девку. Сама пусть нитку сготовит и узор на свой глаз выберет.

Эти хозяйские заказы да разговоры Фетинье, как окалина в глаз: все время покою не дает и со слезой не выкатится, потому с зазубринками. Тут еще добавок получился. В демидовской дворне появился новый пришлый. Как его по-настоящему звали, никто не знал. Он, видишь, из беглых с казенных заводов был, в руде и каменьях толк понимал. Демидов такого с охотой принял, велел кормить в одном застолье с самыми близкими своими слугами, а насчет старого сказал:

— Как тебя раньше звали, про то забудь. По моим бумагам будешь называться Юрко Шмель из Рязанской земли, а годов себе считай с Егорьева дня 35.

Тут еще вычитал по бумаге, что куплен у помещика такого-то из такой-то деревни, и шуткой добавил:

— А какой он, этот помещик, старый ли молодой, лысый ли кудрявый, большой ли маленький,— это уж как тебе приснится. Ни я, ни ты его не видывали, а на случай, если спрашивать станут, придумай и этого держись.

В ту пору этакое бывало. Демидовские прислужники по разным местам скупали у помещиков беглых крепостных с условием: если поймают, на завод навсегда заберут. На деле ловить и не думали, а по этим бумагам принимали всяких пришлых. Старались, конечно, под-

гонять по годам, но бывало и так, что молодого зачисляли по стариковским бумагам. Если заживется, несуразно выходило: считает себе человек чуть не сотню годов, а на деле и полсотни нет.

Так вот... Этот Юрко Шмель приглянулся Фетинье, а он давай на Марфушу заглядываться. Фетинья это приметила и с той поры об одном думала, как бы ей Марфушу со свету сжить. Ну, тут случай подошел, что Марфуше удалось из-под фетиньиной руки вывернуться. В семье, из которой Марфуша в рукодельню была взята, беда приключилась: все большие на одном году померли. Остались одни малолетки. Старшему восьмой годок, младшему — два. Демидов и велел приказчику:

— Переведи Марфутку домой. Пускай за ребятками ходит, пока для заводского дела не подрастут.

Фетинье это столь нелюбо показалось, что сунулась к Демидову с разговором, а тот сразу брови свел:

— Что за речи? Какое твое в этом деле разуменье? Там, поди-ка, пятеро парнишек осталось. Вырастут — железо ковать станут, не твои дырки из ниток выплетать! И того не забывай,— с хозяином разговаривают, когда он спрашивает, а не то и Митроху крикнуть можно. Вон он, и кнут при нем!

А приказчику наказал:

— Ты им месячину выдавай, как полагается, и вели девке, чтоб обиходила избу и за ребятишками ходила как следует. Своих-то работников растить все-таки дешевле обойдется, чем покупать на стороне.

Фетинья, понятно, язык прикусила, а сама думает: «Не я буду, коли эту девку не изведу». И, верно, по прошествии малого времени добилась через хозяйку, чтоб опять Марфуше тонкую работу давать. Что, дескать, ей вечерами делать, как ребята спать улягутся. Чем песни петь да лясы с соседками точить, пусть-ка на господ маленько поработает. Про себя, конечно, другое думала: «В маленькой избушке да при пятерке малолетков непременно она работу испортит, тогда и потешусь над негодницей: подведу под митрохин кнут да суну этому псу полтину, так он досмерти забьет, будто ненароком».

Хозяйка все-таки спросила у мужа, а тот ухмыльнулся:

— Это тебя Фетинья за уши водит, на своем поставить хочет. Сказал ведь, что работники мне нужнее всякого вашего тонкого рукоделья.

Потом, мало погодя, говорит:

— Коли надобность есть, попытай это дело, только сама заказы давай, сама и принимай.

Вышло не так, как Фетинья хотела, а все-таки она надежды не потеряла, по-своему подумала: «Испортит Марфутка припас, так по-другому хозяин заговорит, потому привык за каждый грош зубами держаться». Только Марфуша, видно, удачливая была, все у нее гладко проходило. Правду сказать, эти хозяйские заказы ей к руке пришлись. Сколь ни тяжко приходилось в новом житье, а по привычной работе маленько тосковала, а тут она, эта работа, как говорится, сама пришла. Намотается за день с ребятами, вечером, глядишь, и посидит часок — другой. Вместо отдыха ей, а при ее-то руках столько сделает, что другая и за день не одолеет. Хозяйка ей даже поблажку дала.

— При лучине-то,— говорит,— одной неспособно, так ты лампадку зажигай. Масла велю давать безотказно.

Да еще и пособник у Марфуши оказался. Юрко Шмель нет-нет и зайдет навестить, как сиротская семья живет. Вечерами, конечно, Марфуша его не пускала, чтоб зряшного разговору не вышло, а днем — милости просим. Прибежит, как досуг окажется, и всю мужичью работу по дому справит. Ну, и разговоры меж ними бывали, а про работу — в первую очередь. Известно, чем человек живет, о том и думает.

Раз как-то Марфуша и спросила:

— На Шелковой горке это какой камень,— зелена и мягкий? Если его поколотить чем тяжелым, так он распушится, как куделя.

— Не знаю,— говорит,— не случалось видеть такой камень и про Шелковую горку не слыхал.

Марфуша и объяснила:

— За прудом это. Вовсе недалеко. Летом по ягоды туда ходят. Небольшая горка, а заметная. Сдаля поглядеть, так на ней будто шелковые платки разбросаны. А все это тот камень действует: на солнышке-то блестит и зеленым отливает.

Юрко говорит:

— Надо поглядеть. По рассказу на слюду маленько походит, только зеленое тут ни к чему. Завтра же сбегаю на твою Шелковую горку, благо день пришелся воскресный.

Марфуша рассказала, как Шелковую горку найти, и на другой день Юрко приволок целый мешок камней.

— Видать,— говорит,— камень любопытный. Хозяину про него сперва не скажу, сам испытывать буду и у других поспрошаю, не знают ли насчет этого.

Стал тут перебирать камни, и Марфуша подошла. Занятно показалось. Поколотишь камешок с уголка, а он и распушится куделя-куделей. Марфуша, как она с малых лет привыкла с пряжей обходиться, попробовала прясть, да не скручиваются эти каменные волоконца. Ребятишки, кои побольше, тоже потянулись из камешков куделю делать. Насорили, понятно, по полу, по лавкам, по всей середе. Потом, как Юрко ушел, Марфуша подмела пол и сор в печку бросила, а сама подумала: «Нет худа без добра: сору много, зато растопки завтра не надо».

Утром, как водится, затопила печку. Протопилась она, а сор как был, так и остался. Марфуша подивилась этому и Юрку сказала:

— Не горит ведь эта каменная куделя!

— И по моему испытанью это же выходит,— отвечает Юрко.— На огонь пробовал, на кислоту пробовал, одно понял: какой-то вовсе неведомый камень. Буду дальше его испытывать.

У Марфуши свое на уме: научиться бы прясть эту каменную куделю. Вот бы диво, кабы из такой пряжи что-нибудь связать, либо сплести.

Что ни делает, а эта думка из головы не уходит. Истолкла в ступке столько-то камешков, мелочь отобрала, пыль отсеяла — и стала у ней куделя вроде настоящей, а не скручивается в нитку. Так и сяк перепробовала: с хлебным клеем, с овчинным, с рыбьей кишкой, с молоком, с кровью,— нет, не выходит. С простой куделей идет, да нитка толста, и не то получается, что надо. Ну, все-таки дошла, что с деревянным маслом прясть можно. Не больно крепкая нитка, а для вязанья да плетенья годится. Сказала Юрку. Тот радехонек.

— Свяжи,— говорит,— хозяину кошелек да хозяйке сколько-нибудь кружев сплети, тогда, может, нам повенчаться дозволят.

Юрко об этом уж спрашивал Демидова, да не в час попал: буркнул в ответ:

— Выбирай другую из спелых девок, эта у меня к делу определена. Ты туда и дорожку забудь!

Юрко, понятно, дорогу не забыл, а все-таки таиться пришлось: заходить с оглядкой, чтоб кто из барских наушников не увидел. Фетинья, конечно, в первую очередь разнюхала и побежала сказать хозяину, да тоже, видно, не в час попала. Строго поглядел:

— Без тебя знаю. Срок придет, сделаю, что надо, а ты за рукодельней своей доглядывай!

Демидов, видишь, через своих доглядчиков и то знал, что Юрко какой-то новый камень испытывает. Мешать этому не велел, а только погрозил:

— Глядите, чтоб оба в бега не кинулись! Прозеваете,— худо будет!

Фетинья из хозяйского разговору поняла, что Юрку кнута не миновать. Обрадовалась этому, потом забеспокоилась, как бы Марфуша от расправы не ускользнула. До того себя этим растравила, что решила подвод сделать. Выждала время, когда Марфуше надо было за месячиной в господские амбары идти, и прибежала к ней в избушку. На то рассчитывала, чтоб хозяйский заказ испортить, либо унести. А у Марфуши такой порядок велся: когда случалось ребятишек одних оставить, она хозяйский заказ в сундучок запирала, а свою работу из негорючей-то пряжи на полатный брус поднимала, чтоб ребята не достали. Фетинья огляделась, видит: на брусу коклюшечная подушка и на ней много готовых кружев наколото. Того не домекнула, что из какой-то небывалой пряжи плетенье. Думала, хозяйский заказ. Сорвала готовое, сунула под шаль и убежала. Прибежала в рукодельню — а зимой дело было, и печи топились — и сразу к печке, будто погреться, да незаметно и бросила что-то из-под шали в огонь. Девчонки, которые поближе сидели, заметили это, только виду не показали, а Фетинья отошла от печки да и говорит вслух:

— Теперь пусть-ка вывернется, удачливая!

Пришла Марфуша домой. Старшие ребятишки рассказали: приходила тетенька из рукодельни и с брусу подушку брала. Марфуше обидно стало: столько билась над пряжей, а ее утащили. Побежала хозяину жаловаться, да против самой рукодельни и набежала на хозяина. Он в молотовую шел, и палач Митроха, как привычно, поблизости от хозяина. Марфуша насмелилась и говорит:

— Батюшка, Акинфий Никитич, заступись за сироту!

Демидов остановился.

— Ну, что у тебя?

Марфуша стала рассказывать. Демидов, как услышал, что разговор о кружевах, зверем заревел:

— Что! Ты ополоумела, девка? Стану я ваши бабьи дела разбирать! Митроха!

НАШ ПУТЬ ЕДИН

Владимир СОСЮРА

Октябрьский гром ударил над мирами,
С тех пор минуло ровно тридцать лет.
Путь к коммунизму проложив боями,
Мы встретили его сияющий рассвет.
Вел Ленин нас, великий Сталин с нами,
За ним идем мы в торжестве побед.
Чтоб небо голубело, расцветая,
Сияло солнце ясное с высот, —
На бой, на труд, препятствия сметая,
Нам руку русский протянул народ.
И сгинула врагов проклятых стая
В огне, в дыму, в пучине гневных вод.
Мы города возводим на руинах.
Как счастья дар — вокруг шумят поля.
Гудит наш труд, чтоб крепнул лёт орлиный,
Чтобы садами расцвела земля.
В семье народов вольных Украина
Встает как день под звездами Кремля.
И не страшны нам бури и невзгоды,
Куем мы жизнь, творим мы новый час,
И Партия — оплот всего народа —
В одну семью объединила нас,
Чтоб солнце нам сияло с небосвода,
Чтоб луч его вовеки не угас.
О чем нам снилось в огневые ночи,
Все и сбылось, все и свершилось так.
С родных небес мы туч сорвали клочья,
Дорогу проложили мы сквозь мрак,
И, счастье наше светлое упрочив,
В веках наш край встает как алый стяг.
Шуми, шуми, широкое раздолье
Родных полей безбрежных и долин!
Трудом свою мы утвердили волю
В стальных, послушных мускулах машин.
В одной судьбе, в счастливой общей доле,
Как и в бою, в труде мы, как один.
За облака, к высоким горным кряжам,
И к новым далям держим путь мы свой.
У наших рубежей стоит на страже
С винтовкой верной верный часовой.
И если враг нам снова бой навяжет,—
Своею кровью захлебнется злой.
Мы — луч тепла, пред нами тают льдины,
Мы — правды луч, пред нами никнет мгла.
Великий Вождь, Учитель наш любимый,
За все твои бессмертные дела,
За счастье Родины от Украины
Привет тебе, и слава, и хвала!
Наш путь един. Разрушит все преграды
Любой из нас с бесстрашием бойца.
Мы — воины великого отряда,
Мы — сыновья великого отца,
Живут и бьются с сердцем его рядом
Сыновьи наши, верные сердца!...

Перевела с украинского
Екатерина ШУМСКАЯ

Палач по своей собачьей должности тут как тут:

— Что прикажете?

— Волоки эту девку в рукодельню. Дай ей плетью половину начальной бабьей меры. Для острастки больше. Чтоб помнила и другим заказала, как с хозяином о пустяках говорить!

С Митрохой какой разговор! Взял за шиворот да пробурчал:

— Пойдем, девка!

Пришли в рукодельню. Фетинья радуется, что этак скоро по ее желанию сбылось. Велела скамейку на средину вытащить. Марфуша, как увидела Фетинью, закричала:

— А все-таки мы с Юрком негорючую пряжу придумали! Тебе и сейчас не дознаться, как она сделана!

Марфуша, видишь, подумала, что Фетинья хочет чужую выдумку за свою выдать. Демидов, как она про Юрка помянула, другое подумал: не про тот ли камень разговор, что Юрко тайком от хозяина испытывает? Махнул рукой Митрохе: погоди! — и спрашивает у Марфуши:

— Какая негорючая пряжа? О чем бормочешь? Юрко тут с которого боку пристегнулся?

Марфуша и рассказала все по порядку, только то пропустила, как прясть каменную куделю. Демидов тогда и спрашивает Фетинью:

— Была у нее?

Фетинья зачастила:

— Была, батюшка Акинфий Никитич, была... Узнать хотела, скоро ли она заказ сготовит... Да разве эту девку застанешь! Шатается где-то, а ребятишки одни-одинехоньки. Не мыты, не прибраны... Глядеть тошно... Плюнула я да скорее из избы...

— Кто посылал?

Фетинья тут замялась, потому знала демидовскую повадку: забьет за ложное слово. Демидов видит фетиньину неустойку и говорит:

— Подавай кружева!

Фетинья давай клясться-божиться,— не ведаю, а Демидов еще строже:

— Подавай, говорю!

Та опять клянется-божится, а Демидов дает Митрохе знак:

— Полысай в полную руку, пока не признается!

Фетинья видит,— попала в неминучую беду, озлилась, вовсе себя потеряла, визжит изо всей мочи:

— Ее-то негорючие вон в той печке сгорели!

Девчонка, которая видела, как Фетинья что-то в печку бросала, живо подбежала, отпахнула заслонку и говорит:

— Тут они! Сверху лежат!

Демидов велел вытащить. Оказалось, целехоньки кружева. Демидов тут и вовсе залюбопытствовал.

— Пойдем, Марфутка! Кажи, из какого камня и как делала. Юрка Шмеля туда же позвать. Без промедленья!

Митрохе приказал:

— Доведи Фетинью до полного разума, чтоб навек забыла совать нос в большое хозяйское дело!

Митрохе хоть никто полтины не сунул, да он сам порадел хозяйской родне: так употчевал Фетинью, что едва жива осталась. Демидов потом даже ворчал:

— Без разума хлещешь! Баба при деле была, а теперь куда ее?

Митроха своим обычаем отговаривался:

— Разум — дело хозяйское. Сколь он укажет, столь и отпущу.

А дело с каменной куделей — и верно — большим оказалось. Демидов, как разузнал все до тонкости, повернул всю свою рукодельню на поделку из каменной кудели и накрепко заказал, чтоб на сторону этого не выносили. В рукодельне и пряли и ткали, плели и вязали, а как случится Демидову в столицу ехать, он всю эту поделку с собой увозил. Мужик хитрый: знал, кому и зачем подарить диковинку, коя в огне не горит. Большую, сказывают, выгоду себе получил от этих подарков.

Марфуше только то и досталось, что свою долю с Юрком Шмелем они получили. Дозволил им Демидов пожениться, вот эту усадьбу отвел да сказал:

— Старая изба за парнишками останется, а на этом месте строиться можете.

По времени они и поставили тут себе избушку да и жили до конца своих дней. От этого Юрка Шмеля да Марфуши Зубомойки и пошла наша фамилия Шмелевых.

Демидовское подаренье, видишь, ему не больно дорого обошлось. Только и разорился, что велел жене:

— Выдай Марфутке полушалок с узорными концами. Пускай все видят барскую награду за старанье.

Нынешнюю награду, небось, с демидовской не сравнишь, потому как только теперь ее работа в полную силу оценена. Всяк разумеет, что с маленькой Шелковой горки большую видать, и сама Марфуша подругому кажется. Об этой крепостной мастерице теперь и на велик день рассказать можно. Послушают и скажут: заслужила.

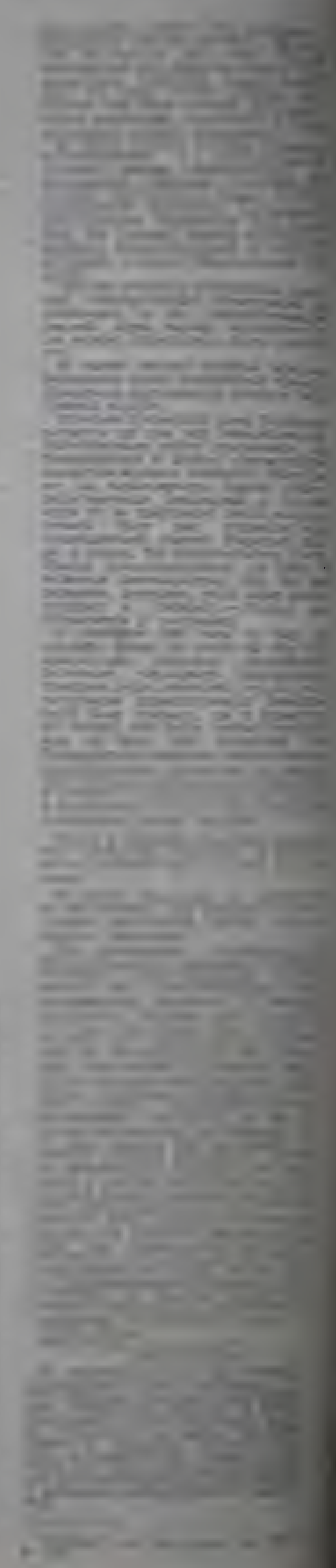
Тут ведь, видишь, что выходит. Заводские владельцы да царские чиновники старались себя выставлять. О мастерах да мастерицах им и заботушки не было. Про иноземцев и говорить не осталось. Эти по самохвальству первые мастера. Их послушать, так все они вперед придумали, а стань раскапывать — и выйдет: придумала итальянская Елена то, что твоя прабабка крепостная Марфуша умела делать на 80 годов раньше.

Ты про эту Шелковую горку попомни, как случится про старину читать, особо про нашу заводскую. Она, наша-то заводская старина, наглухо черным демидовским тулупом прикрыта, а при демидовских наследниках еще разными иноземными шнурками запутана. Кто прохожий идет, одно видит: лежит демидовское наследство в иноземной обвязке, а подойди, да развяжи, да сбрось тулуп — и выйдет наша Марфуша. Такая же, как вот ты, курносенькая да рябенькая, с белыми зубами, с веселыми глазами. До того живая, что, того и гляди, придет на завод, по-старинному низенько поклонится и скажет:

— Здоровенько поживаете, родные мои! Вижу, — на высокую гору вы ныне поднялись. Желаю напредки такой же удачливой дороги! Утешно мне, что и от нас, кои раньше по малым горкам ходили, не отворачиваетесь, за чужих не считаете. Так оно и есть. Про себя хоть скажу. Демидовской крепостной девкой звалась, а ведь у меня свое имя-прозванье имелось. Был Демидов,— и давно его не стало, а мое дело по сей день живет, людям на пользу служит, и прозванье мое правнуками не забыто. Вот и выходит,— не демидовская я, а ваша по всем статьям: по крови, по работе, по выдумке.

ПОСЛЕДНЯЯ СЛУЖБА РАДИЩЕВА

Творческая победа художника Александра Бубнова

А. БУБНОВ Автопортрет.

Естественно и понятно желание советских художников показать славное прошлое своего народа, рассказать увлекательным, живописным языком о великих событиях, принесших России вечную славу.

Художнику мало быть только исторически правдоподобным, ему важно найти в изображаемом событии главное и существенное, то есть те характерные черты, которые заставляют советского человека интересоваться этим событием, гордиться им.

Живописец Александр Бубнов в своем новом полотне, «Утро на Куликовом поле», повествуя об одном из решающих моментов в истории нашей Родины, правильно разрешил трудную тему, поставив во главу угла смелый и сильный образ народа в его суровой неприкрашенности, готового на любые жертвы ради счастья своей Отчизны. Героический образ русского народа роднит Куликовскую битву, имеющую почти шестисотлетнюю давность, с сегодняшним днем, и становится ясным, почему замысел картины возник у художника в дни Великой Отечественной войны.

Эпическим величием веет от полотна «Утро на Куликовом поле».

В цветущую задонскую степь на зов Дмитрия пришел вооруженный народ, поднявшийся на ратный подвиг, на борьбу за независимость Родины.

Восьмое сентября 1380 года. Уходит ночной туман. На фоне утреннего неба полощется огромное темное знамя. Словно вкопанный стоит под ним статный белый конь, и на нем высится фигура князя Дмитрия Донского.

Рядом с ним его дружинники — ближайшие помощники. Мечом в простертой правой руке указывает Дмитрий в сторону приближающегося врага.

Плотной стеной стоят русские люди на высоком холме, поросшем степной порыжевшей травой, готовые с непреодолимой силой ринуться вперед, на несметную рать противника.

Захватывающей выразительности достиг художник. Достаточно посмотреть на лица воинов, чтобы поверить в исполнение их отважных и дерзновенных планов.

Несколько десятков людей показано на огромном холсте. У каждого свой характер, свой внешний и внутренний облик, но всех их объединяет одно — жажда победной битвы, подчеркнутая в стремительности и динамике жестов, в психологической напряженности. Это позволяет домыслить последующие события: мужество русских на Непрядве-реке и торжество русского оружия.

Оптимистическое произведение Бубнова, звучащее песней в честь славы и доблести,— закономерное явление в развитии творчества талантливого живописца.

А. П. Бубнов принадлежит к среднему поколению советских художников (родился в 1908 году). Первые выступления художника характеризовались идейно-содержательными образами и целеустремленностью. Картины «Белые в городе» (1934 год) и «Октябрины» (1936 год) вызвали теплый отклик советской общественности.

На выставке «Великая Отечественная война» художник показал композицию из эпохи гражданской войны «Яблочко», привлекавшую жизнерадостностью и бодростью. Образная галлерея матросов, солдат, революционных рабочих, живой и самобытный колорит дают возможность рассматривать «Яблочко» как подготовительную работу к созданию высокохудожественной исторической картины, какой и явилось полотно «Утро на Куликовом поле», экспонируемое на Всесоюзной художественной выставке и воспроизводимое в журнале вместе с двумя этюдами Бубнова.

Изучая наследие прошлого, Бубнов идет самостоятельным, интересным путем. Он поэтизирует образ народа, неотделимый от окружающей его природы.

Большим достижением советского изобразительного искусства является историческое полотно Александра Павловича Бубнова, где художнику так блестяще удалось выразить чувства советского патриотизма в великих традициях русского реалистического искусства.

А. Бубнов — [illegible]

А. Бубнов

Утро на Куликовом поле

Всесоюзная художественная выставка 1947

Лев на площади

(Окончание. См. «Огонек» №№ 1, 2 и 3)

Илья ЭРЕНБУРГ

Рисунки Л. Бродаты

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

(Парадный зал мэрии. Длинный стол, покрытый бордовым сукном. Бюст Республики, [illegible] портреты Жанны д'Арк, генерала де Голля и президента Трумэна. На возвы[illegible] лев в деревянном ящике без покрышки. Члены муниципального совета, их жены, [illegible] раздражен и озабочен. Ришар и Делó обсуждают программу торжества. Госпожа Дело и госпожа Ришар, две язвительные дамы, судачат.)

ГОСПОЖА РИШАР. Я не понимаю, как можно было пустить американца к мэру? Ведь очи [illegible] женить его на Марго. Я сказала мужу, а [illegible], что все зависит от провидения.

ГОСПОЖА ДЕЛО. Мужчины в этом ничего не понимают. Я все-таки не думаю, чтобы Марго его [illegible]. Наверно, он заметил, какие у [illegible] ноги. И потом никогда Трумэн не [illegible], чтобы его представитель женился [illegible] социалиста...

ГОСПОЖА РИШАР. Марго уже носит полудлинные [illegible] по последней моде. Когда хотят [illegible] ноги, это очень удобно. Кстати, вы [illegible] поклонница полудлинных платьев?..

ГОСПОЖА ДЕЛО. Я подчиняюсь общественному [illegible]. Ноги у меня скорее классические. А [illegible], понравилось, что новые модели [illegible] внимание от бюста?..

ДЕЛО (Ришару). Нужно покороче — он [illegible], да и события не подходящие. [illegible] выступления мэра...

РИШАР. По-моему, должны выступить и вы. [illegible], завтра об этом скромном торжестве будут писать газеты всего мира. Я знаю, что мы сейчас идем вместе с социалистами, но пусть Америка услышит также голос [illegible] порядка. Нельзя, чтобы американцы считали наш город цитаделью социализма, [illegible] — искажение исторической перспективы...

ДЕЛО. Но я не подготовился. Я не болтун, я не умею импровизировать. Говорите вы...

РИШАР. Вы заместитель мэра, это прозвучит [illegible]. Я нашел в старой газете вашу блистательную речь. Помните, в январе сорок [illegible], когда к нам впервые приехал этот [illegible] фон Шаубергер?.. Замените несколь[illegible] а самая речь не устарела. (К ним подходит мэр.)

МЭР. Великолепная идея! Истины и не могут [illegible]. Дорогой друг, я предлагаю такой [illegible] сначала выступаете вы...

ДЕЛО. Но это уж чересчур — почему сначала?

МЭР. Я ведь должен вручить подарок, этим [illegible]. Значит, сначала вы, потом акт вручения, потом он благодарит. Нужно торопиться — он очень устал. И потом, кто знает, что задумали разбойники?

ДЕЛО. Что они задумали? Ясно, что. Вы, по крайней мере, приготовили свечи?

МЭР. Можете быть спокойны, мы гарантированы от всех неожиданностей. Значит, решено — начинаете вы.

ДЕЛО. Я никогда не уклоняюсь от гражданского долга. Кстати, вы напомнили ему про апельсиновые корки?

МЭР. Конечно.

ГОСПОЖА РИШАР (госпоже Делó). Я все-таки не думаю, чтобы он на ней женился, у нее ноги, как спички, и потом разве это партия для такой знаменитости?..

(В дверях сутолока — несколько членов муниципального совета не впускают маркиза де Шампиньи.)

МАРКИЗ. Вы, кажется, меня не узнаете? Я маркиз де Шампиньи.

ЧЛЕН СОВЕТА. Приказ мэра...

(Подходит мэр.)

МЭР. Я вас прошу, господин маркиз, не настаивайте. Вы должны войти в наше положение. Из уважения к великой заатлантической республике мы постановили...

МАРКИЗ. Я уже слыхал, вы постановили в шестнадцатый раз переименовать эту площадь. Для меня она останется просто «Большой площадью», так называл ее мой дед...

МЭР. Господин маркиз, я вас прошу, не настаивайте... Мы постановили исключить из муниципального совета всех цветных...

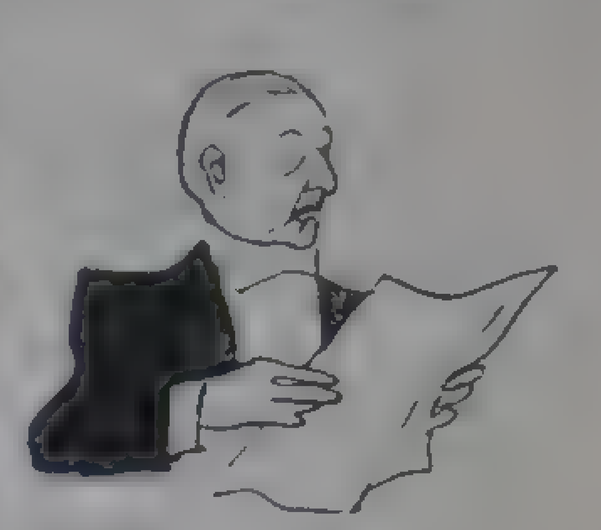
МАРКИЗ. Не понимаю, где вы нашли цветных?

МЭР. Вы сами понимаете, господин маркиз, как мне неприятно... Я ведь старый социалист... Но мы постановили исключить вас...

МАРКИЗ. Вы смеете оскорблять меня, представителя древнейшего рода де Шампиньи?! Мой прадед был старшим каретником при дворе Людовика XVIII, и ваш прадед ему кланялся в пояс.

МЭР. Все это так, господин маркиз. Но вы сами понимаете — ногти. Главное — это ногти... (Маркиза выталкивают.) Теперь все в порядке. Прошу сесть. Милостивые государи и государыни! Я открываю торжественное заседание муниципального совета для вручения дара городу Джексону. (Оркестр играет туш. Музыкантам.) Тише, слишком рано. Слово для приветствия имеет мой заместитель господин Делó.

ДЕЛО (читает, запинаясь). С восторгом наш древний город, выдержавший много осад, о чем свидетельствует лев на площади Тьера... На Сталинградской площади... я хочу сказать на площади Джемса Лоу, приветствует представителя великой победоносной страны, которая показала, что она является первой страной в мире. Мы глубоко уважаем, господин фон... господин Лоу, вашу оздоровляющую мир расовую политику и те принципы нового порядка, которые блистательно изложены в сочинении... простите, в «доктрине Трумэна». Я счастлив, что могу сейчас лично поблагодарить представителя державы, которая одерживает знаменательные победы над большевиками на берегу Волги... блистательные дипломатические победы на берегу... на берегах Гудзона и Потомака, уничтожая последние очаги коммунистического сопротивления. Франция умеет быть признательной, она знает, что ее судьба тесно связана с судьбой... здесь очень темно... с судьбой Америки, и она просит передать великодушному... великодушному Гарри Трумэну, чей портрет украшает эти стены, нашу чистосердечную признательность. (Оркестр начинает туш.)

МЭР (оркестру). Тише, слишком рано. (Собранию.) Разрешите мне сказать несколько простых, задушевных слов. Как старый социалист, я тесно связан с народом. О чем говорят сегодня с утра все жители нашего города без различия вероисповедания, политических убеждений, социальной или расовой (запинается).. одним словом, принадлежности? Они говорят об одном: «Мы жаждем отблагодарить щедрый Джексон». Мы демократы, наш девиз — все для народа, все через народ. Вот почему мы единогласно приняли решение поднести городу Джексону нашу самую дорогую реликвию, символ независимости,— льва, который украшал свежепереименованную площадь... (Пьет воду.)

ГОСПОЖА РИШАР. Он просватал [illegible] уродку. Это скандал на весь мир!

МЭР. Мои друзья-католики молятся каждый день о хлебе насущном. Я, как старый социалист, чужд мистицизму, я верю в реформы и в кооперацию. Но, выражаясь возвышенно, я тоже молюсь о хлебе. И вот Джексон дает нам сто тонн пшеницы. Спасибо, заатлантические друзья, французское звучное «мерси»! Пусть на главной площади славного Джексона стоит неукротимый лев, как пять веков простоял он у нас! (Мэр, Ришар, Делó и другие советники, кряхтя, приподымают льва, несут его Лоу.)

ДЕЛО. Ну и тяжелый!.. Я не могу больше— у меня больная печень...

ЛОУ (встает). Вы теперь видите, сколько он весит? Если я согласился взять его с собой, то только потому, что вы неплохие парни. Потом в Джексоне он уместней, чем здесь. Джексон — хороший город, его не может испортить даже эта рухлядь. А вам нужно строить порядочные дома — без клопов и без метафизиков. Я хочу напоследок... (Гаснет свет.)

МЭР (светит карманным фонариком). Прошу всех успокоиться. Сейчас мы зажжем свечи.

ЖЕНА МЭРА. Свечи — это гораздо шикарней. Все аристократические вечера бывают без электричества...

ГОСПОЖА РИШАР. И некоторые дамы этому радуются: не видно их морщин...

ЛОУ. Что случилось?

МЭР. Пустяки. Пробка...

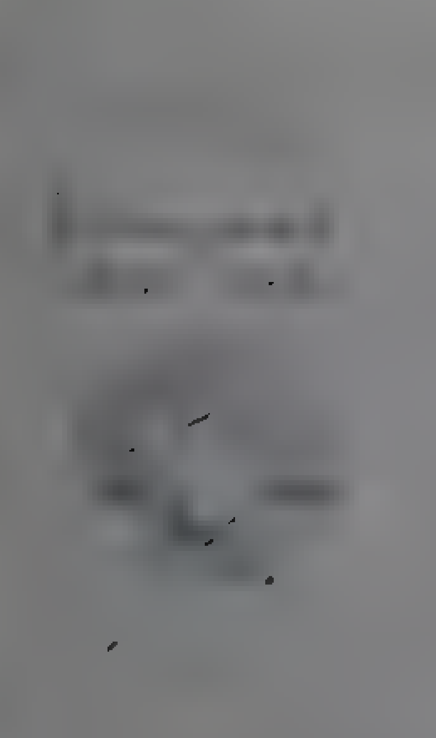
ДЕЛО. Мэр никогда ничего не называет своим именем. Это не пробка, это господа-коммунисты. Всеобщая забастовка.

Писатели и книги

Рассказы Эльмара Грина

зал, что за этого льва он получит в Америке десять тысяч долларов. (Лоу.) Говорил ты мне это или нет? Негодяй, хотел стибрить десять тысяч, а мне, бедной девушке, дал липовый чек! «Угу, угу». Что же ты теперь не угукаешь?

МЭР (Лоу). Ответьте ей, как следует.

ЛОУ. Я не люблю дискуссий.

ДЕЛО. Господин мэр, а вы проверили полномочия господина Лоу?

МЭР. Как же я мог? У такого высокого гостя.

ДЕЛО. Господин Лоу, я думаю, что для общего успокоения будет хорошо, если вы предъявите теперь ваши полномочия.

ЛОУ. А как вы хотите, чтобы я предъявил то, чего у меня нет? Это вам — не провидение. Мы, американцы,— реалисты...

ДЕЛО. Я говорил, что политика социалистов приведет нас к катастрофе...

МЭР (Лоу). Значит, это правда?..

ЛОУ. В общем да. И что из этого?..

МЭР. Но тогда вы действительно... жулик.

ЛОУ. Ничего подобного. Я американец и я делаю доллары. Разве я украл у вас этого пуделя? Вы мне его подарили.

МЭР. Но вы обещали помощь...

ЛОУ. Слушайте, я вам сказал, что вам пришлют пшеницу — рано или поздно. Кажется, сто тонн — так было в газете. И потом Джим мне сказал, а Джим знает, что говорит. Если вы меня называете жуликом, то Джим — сверхжулик, потому что он сидит в Париже в американской комиссии и у него все карманы набиты этими самыми «полномочиями», а он, между прочим, скупает за несколько центов рухлядь вроде вашего пуделя. Пшеницу вам пришлют без меня. И пуделя вывезут без меня. Если не Джим, так Джек или Джо. Я вижу, что я на этом деле только прогадал. Угу.

РИШАР. Удивительный цинизм! Он хотел нас лишить исторического памятника...

ЛОУ. Вы думаете, мне нравится этот пудель? Совсем не нравится. Но в Америке есть сумасшедшие. Они дают за такой хлам бешеные деньги. А я попал в пиковое положение. Когда кризис в Соединенных Штатах,— это прилично: говорят речи, служат панихиды, проводят законопроекты. А кризис у Джемса Лоу — это скандал... Я говорил Джиму, что я ничего не понимаю в старье, но он мне дал точные инструкции: бери все до середины девятнадцатого века. Я вижу: стоит зря пудель, и не девятнадцатого, а пятнадцатого. Как же я мог от него отказаться?

МЭР. Преступник! Вы покусились на самое ценное: этот лев — символ нашей независимости.

ДЕЛО. Вы обманули нас всех, вы выдали себя за настоящего наблюдателя.

ЛОУ. Я себя не выдавал, вы меня приняли. Но не будем спорить о пустяках. Вы говорите, что я «ненастоящий»? Угу. Но вы думаете, что «настоящие» — другие? Такие же. Мы все американцы и мы все делаем доллары. Вы еще пожалеете обо мне. Что я хотел у вас взять? Пуделя. Вы говорите, что этот камень — «символ вашей независимости»? Допустим. Тогда я хотел отобрать символ вашей независимости. Пустяки. Можно прожить и без символов. А вот когда приедут к вам «настоящие», они заберут и символ и независимость. Угу. Я Джима знаю, как облупленного. Лев на время останется здесь. Но я вам уже сказал: укротители едут... (*Шум покрывает его последние слова, и шум растет: за сценой, на сцене. Распахиваются двери, выходящие на площадь. Врываются горожане. Мэр, члены совета, гости мечутся в страхе. Лоу забился в угол.*)

РАБОЧИЙ (*хватает мэра*). Как вы смели переименовать Сталинградскую площадь? Как вы смели отдать льва?

МЭР. Я тут не при чем, я старый социалист, а в муниципальном совете большинство у клерикалов.

ДЕЛО. Но площадь переименовали именно вы.

РИШАР. Льва вы продали, меня там даже не было.

СТАРЫЙ РАБОЧИЙ. Замолчите! Мы пришли сюда не для того, чтобы слушать вас. Вы говорили слишком долго. Вы говорили полтораста лет и пять действий. Теперь говорят другие. Фарс окончен. (*Срывает стену мэрии — видна площадь.*)

(*Выползает редактор.*)

РЕДАКТОР. Один вопрос: здесь ли Мари-Лу?

ДЕВУШКА. Меня зовут Мадо, но я сейчас Мари-Лу.

СТАРИК. Я Антуан, но я Мари-Лу.

ЮНОША. И я Мари-Лу.

(*Голоса отовсюду: «Я Мари-Лу»*)

(*Льва ставят на цоколь.*)

ЖЕНЩИНА (*перед львом*). Здесь наши деды и наши отцы отстаивали независимость. Здесь санкюлоты формировали батальоны против коалиции. Здесь блузники сорок восьмого и федераты в дни Коммуны умирали за свободу. «Не подобает» — эти слова звучали, как присяга. Здесь Мари-Лу убила фашистского палача. Ее расстреляли. Но теперь вы видите, что она жива. Она — ты, Пьер. Она — ты, Деде. Она — ты, Жанна. Мари-Лу всюду. Мари-Лу — это народ. Никогда, никогда мы не склоним головы перед золотом Америки! Не взять нас ни голодом, ни железом. Не подобает Франции стать на колени перед заморскими хамами!

ЛОУ. А вас много?

ЖЕНЩИНА. Когда Мари-Лу вели на казнь, она крикнула: «Нас много!» Теперь нас еще больше. Вы думаете, что мы только здесь? Нет, мы и в Париже...

ГОЛОСА И ГРОМКОГОВОРИТЕЛИ. ...И в Марселе... И в Лиможе... И в Гавре... И в Палермо... И в Милане... И в Льеже... И в Мадриде... И в Пирее... Мы всюду...

ДЕВУШКА. Мы не сдадимся. Это наша клятва — здесь, у Льва независимости, на площади Сталинграда.

(*Занавес*)

Конец

стречается классовая борьба среди поселенцев в период коллективизации сельского хозяйства.

Это видно и в новом отношении людей к национальному вопросу. Если [illegible] эстонские и [illegible] не [illegible]чне избивали [illegible] в постоянных [illegible] теперь они сообща [illegible] против эстонских и [illegible]их кулаков. [illegible] организовали колхозы, [illegible] добиваться [illegible] колхозы и [illegible]ян. Мы вско[illegible] золотобойцем [illegible]нице. Уси[illegible]кунистов, передо[illegible] привели к [illegible]ад эстонских [illegible]кнул к рус[illegible]ным сопротивлением такие враги трудового народа, как семейство Карьямаа, мельник Никитин и его сын Василий.

[illegible]проводится рас[illegible]. В авангарде [illegible]ер Уйт. На эту [illegible] ожесточен-

Книга показывает, как новая, колхозная жизнь распрямляет трудового человека, делает его настоящим хозяином земли и своей судьбы, поднимает множество народных талантов, перевоспитывает людей. Это видно на судьбе Пютсипа, Яна Уйта, Талдрика, Ойнаса, Пиетри и других персонажей в рассказах Грина.

В конце книги живо и тепло описан колхозный праздник. Люди празднуют десятилетие колхоза и пятилетие объединения в нем русских и эстонцев. Выставка, организованная к празднику, отображает путь развития колхоза — «от первого топора Яна Уйта до комбайна».

Автор повествует обо всех этих событиях ярким, образным языком, стилизованно грубоватым: словно рассказывает нам обо всем увиденном, продуманном и перечувствованном непосредственный свидетель и участник происходившего, житель одного из хуторов. И в оценке явлений, в характеристиках людей проявляется отношение к ним такого человека, как, скажем, Юхан Пютсип, в прошлом темный, одинокий горемыка-крестьянин, для которого ныне колхоз, вся Советская страна стали огромной родной семьей, который понял, что его жизнь начинается только теперь. Кстати, рассказ, посвященный ему, в отличие от других ведется от первого лица, и это еще более укрепляет в том предположении, что и об остальных людях этой книги в ней рассказано устами Пютсипа.

Выведен в книге человек, который не назван по имени. Он показан в борьбе за организацию колхоза и на колхозном празднике. И здесь он помогает крестьянам разобраться в их делах, в людях. Это образ, в котором символически выражено мудрое, могучее воздействие партии на жизнь людей, ведущее начало нашей действительности. И жаль, что этому образу дано условно-символическое решение. Коммуниста-руководителя, организатора и вожака масс, знают все, знает каждый среди тех, кто идет за ним,— и читатель хочет видеть живой образ лучшего человека наших дней во всей его конкретности, изображенным со всей полнотой и яркостью реалистического портрета.

Заметен в рассказах и другой недостаток: реалистическое описание подчас сбивается на натуралистическое.

В целом же для рассказов Эльмара Грина характерны реалистическая правдивость и ясность изображения, отвечающие четкости идейного замысла; свежесть подхода к материалу, которую дает не только талант, но и живое знание этого материала; углубленная психологичность. Эти особенности творчества писателя нашли свое развитие в повести «Ветер с юга». И среди них хочется выделить высоко гуманистическое стремление писателя показать, как раскрываются у человека глаза на мир, как внутренне выпрямляется он, как обогащается его духовный облик под животворным воздействием того, что несет людям советская жизнь.

Ю. ЛУКИН

ГРЕЦИЯ ПОСЛЕ 3 ДЕКАБРЯ

Л. ГРИГОРЬЕВ

I. СЛЕДЫ КРОВАВОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ

Миновав невысокую горную седловину, самолет пошел на посадку. В иллюминаторе медленно вращалась панорама раскинувшегося на холмах большого города. На общем сером фоне выделялись темнозеленые пятна парков, а чуть дальше блестело море. Лишь два часа назад мы поднялись с заснеженного аэродрома Софии, и было странно видеть внизу летнюю зелень. Был еще только март. Март 1945 года.

— Вот вы и в Афинах,— сказал мой сосед, которому я поведал дорогой о том, как долго мне пришлось ждать разрешения английских властей на поездку в Грецию.

Британские войска в это время вели позорную войну против греческой народно-освободительной армии и против населения афинских предместий. Генерал Скоби считал, что и без советских журналистов в Афинах слишком много неудобных свидетелей.

Город жил еще отголосками декабрьских боев. Каждая улица, каждый камень напоминали о недавних событиях. Вот самый центр Афин — площадь Синдагма. Здесь в Кровавое воскресенье, 3 декабря 1944 года, по приказу английского приспешника Папандреу была расстреляна многочисленная мирная демонстрация. На углу большое серое здание полицейского управления. Отсюда, с балконов и из окон, стреляли по демонстрантам. Вся площадь и прилегающие улицы были заполнены людьми. Они несли плакаты с требованием наказать предателей и знамена союзников — греческие, американские, советские, английские. Тысячи людей со знаменами. Промахнуться было невозможно, каждая пуля находила свою жертву. Более ста убитых и раненых — стариков и юношей, женщин и детей — осталось на залитом кровью асфальте. А здесь, на тротуаре, где сегодня стоят столики самого фешенебельного в Афинах кафе Яннакиса, тогда стояли английские танки. Они появились, как только смолкли выстрелы, и окружили серое здание полицейского управления. Генерал Скоби опасался, что возмущенный народ разнесет это осиное гнездо.

Напротив, в двадцати шагах, роскошный отель «Гранд Британь». С его балконов английские офицеры спокойно наблюдали за расстрелом демонстрантов. Вмешательство любого из них могло прекратить бессмысленное убийство, но тридцать минут, пока продолжалась стрельба, никто не пошевелил пальцем. В последующие дни отель «Гранд Британь»

3 декабря (1944 г.). Там, где лежат деревянные крестики, пали первые жертвы декабрьского расстрела.

3 декабря (1944 год). Английские танки на улицах Афин.

был центром «Скобии», как тогда называли часть Афин, занятую английскими войсками. Там жили английские офицеры и иностранные журналисты, а в одном из номеров помещалось греческое правительство. Там же отсиживались всякие политиканы, у которых были свои причины бояться народного гнева. Они выжидали, когда английские войска завоюют для них Грецию.

Власть греческого правительства в те дни распространялась не более чем на два—три квартала, соседних с отелем. Но и эта власть была иллюзорной. Действительным хозяином в «Скобии» был генерал Скоби, правительство же властвовало только у себя в номере. Весь персонал отеля бастовал, и министры вместе с остальными жителями отеля по три раза в день выстраивались в очередь за порцией солдатских консервов (одна банка на четырех министров) и за стаканом воды.

Первые дни после 3 декабря Афины и Пирей были скованы всенародной забастовкой. Бастовали не только промышленные предприятия, электростанции, водопровод, телефон, городской транспорт, магазины и учреждения, бастовали уличные продавцы, мальчишки-папиросники, чистильщики и даже нищие. Позднее в районах, занятых частями ЭЛАС и рабочими дружинами, коммунальники возобновили работу, но «Скобию» они не обслуживали. Когда английские войска занимали новый квартал, подача в него воды и тока прекращалась, а когда этот квартал очищался от англичан, вода и свет снова подавались.

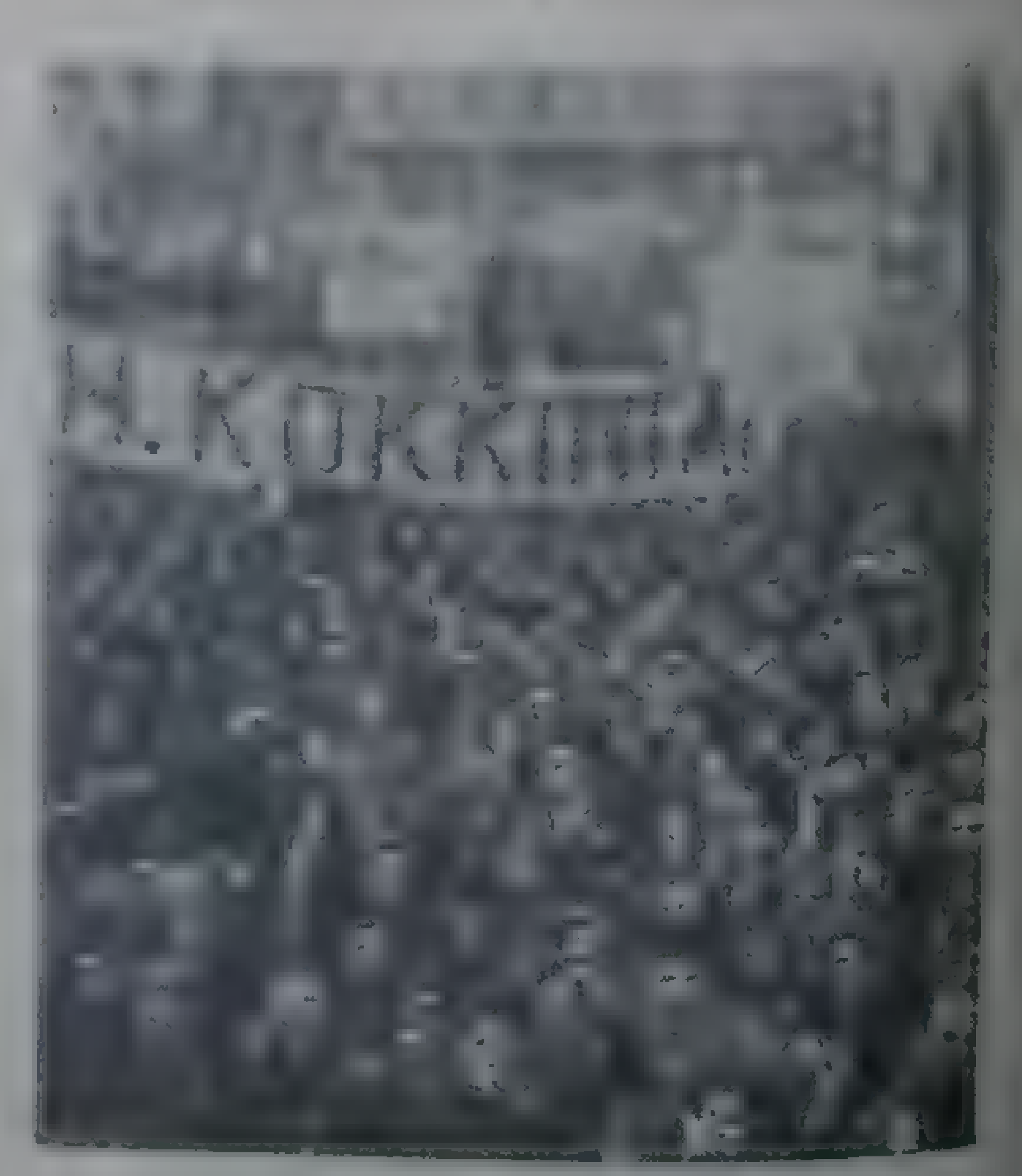
Вот площадь Омония. На нее выходят фасады нескольких гостиниц. Задолго до декабрьских событий эти гостиницы были превращены в крепости. В них засели вооруженные хитосы и различный уголовный сброд, служивший прежде немцам, а затем собравшийся со всей Греции в Афины под крылышко британских войск. 4 декабря на этой площади повторились события предыдущего дня.

Похороны жертв Кровавого воскресенья вылились в новую, небывалую во всей истории Греции, демонстрацию. Никто не мог сказать мне, сколько в ней участвовало народа,— может быть, триста, может быть, четыреста тысяч. С раннего утра непрерывным потоком к Афинам двигались рабочие Пирея. Афинские предместья совершенно опустели. Процессия двинулась в полдень, шли молча, шли все, кто мог двигаться. Инвалидов войны и Сопротивления вели под руки или везли на колясках. Плакаты на этот раз были черными. На них было написано: «Долой кровавого Папандреу!», «Народ требует мщения!». Поровнявшись с местом, где пали первые жертвы декабря и где все еще виднелись почерневшие пятна крови, процессия остановилась, священник начал служить молебен. Когда все опустились на колени, стало видно, что огромный проспект доотказа заполнен народом. В потрясающей тишине им, убийцам, засевшим в «Гранд Британь» и в полицейском управлении, было слышно, как священник шепчет молитву и как всхлипывают матери павших. Потом народ поднялся, и над Афинами прозвучала клятва. Клялись мертвым продолжать их дело — борьбу за свободу, против фашизма.

Когда процессия достигла площади Омония, из забаррикадированных окон по ней был открыт огонь. Стреляли также из четвертого полицейского участка. После этого второго расстрела уже ничто не могло сдержать народного гнева, и он обрушился прежде всего на ненавистную полицию, которая при оккупации по приказу немцев расстреливала тех же демонстрантов и на тех же улицах. В течение одной ночи были разоружены почти все полицейские участки. 6 декабря греческая реакция уже не имела других защитников, кроме английских войск. И они были брошены в дело. В последующие дни Омония была местом самых ожесточенных боев.

Вот район Псири. Многие дома разрушены, на других штукатурка ободрана пулями и осколками снарядов. Здесь под непрерывным артиллерийским обстрелом, атакуемый английскими самолетами с воздуха, целую неделю оборонялся батальон механика Провеленгоса. Оказавшись без патронов, Провеленгос с десятком уцелевших бойцов прорвался из окружения и позднее погиб на баррикадах. Вот на склоне живописного Ликовитоса небольшая улица Дидоту, где окруженная студенческая рота отражала яростные атаки английских танков. Эта рота называлась именем великого английского поэта, погибшего во время греческой национально-освободительной войны 1821 года в осажденной турками крепости Миссалонги.

Вот рабочее предместье Кесарьяни, прозванное во время оккупации греческим Сталинградом. В дни декабрьских боев Кесарьяни выставило свой полк. В нем было всего шестьсот бойцов, столько в предместье нашлось

3 декабря (1944 год). После расстрела. «Отмщенья!» «Долой убийцу — Папандреу!».

[illegible] ...еров. Но полк был неистре... [illegible] ...вшему герою становился [illegible] ...ть три дня декабрьского со... [illegible] ...полк потерял убитыми тысячу [illegible] ...жая сражаться. Героическое [illegible] было почти начисто разрушено [illegible] бомбардировщиками, оно было [illegible] ...ех других очагов сопротивления, [illegible] и боеприпасов, но продолжало [illegible] после общего приказа об от... [illegible] на 5 января защитники [illegible] свои прославленные руины [illegible] отошли через гору Ими... [illegible] глубоким снегом.

[illegible] Полигонон обнесенные высо... [illegible] корпуса юнкерского училища и [illegible] в которых в декабрьские дни [illegible] наемники реакции. А рядом, как [illegible] прилепились друг к другу ни... [illegible] беженцев. В глухую декабрьскую [illegible] этими домиками пробирались [illegible] связками гранат, чтобы взорвать [illegible] от собственных гранат, но [illegible] и обеспечили успех штурма. [illegible] предместье Драпецона, раз... [illegible] английских военных кораб...

[illegible] ...вышающийся над Афинами древ... [illegible] напоминал не только о золотом [illegible] но и о декабре 1944 года. Здесь [illegible] английские орудия. Они бы... [illegible] ...ности. Генерал Скоби знал, что [illegible] греческого патриота не подымет... [illegible] чтобы выпустить снаряд по священ... [illegible] Акрополя.

[illegible] в самом центре Афин — прекрасный [illegible] из белого мрамора. Это стадион [illegible] ...ских состязаний. У входа памят... [illegible] Аверову, который, чтобы про... [illegible] в веках, на свой счет построил и [illegible] греческому государству этот стадион, [illegible] тюрьму Греции и линейный [illegible] стадион, и тюрьма, и линкор носят [illegible] На памятнике следы пуль. Мра... [illegible] и лестницы стадиона местами [illegible] снарядами. Это поработали ан... [illegible] орудия, установленные на Ликовито... [illegible] Акрополя. Стадион был мощным [illegible] народного сопротивления, прегражд... [illegible] путь англичанам к южным предме... [illegible]

[illegible] видны повсюду. Недаром гене... [illegible] Скоби в одном из своих коммюнике хва... [illegible] перед всем миром, что лишь за один [illegible] по городу было выпущено две тысячи [illegible]

[illegible] центральная часть города почти не по... [illegible] части ЭЛАС, сражавшиеся в Афинах, [illegible] лишь несколько мелкокалиберных пу... [illegible]

[illegible] ...ские дни 1945 года рестораны и [illegible] Афин были переполнены «побе... [illegible] ...англичанами, всякими темными [illegible] которые расплачивались золотыми [illegible] соверенов, спекулянтами черного [illegible] которые округлили свои капиталы во [illegible] ...ции и голода, и размалеванными [illegible] которые хорошо говорили по... [illegible] и итальянски, но еще с трудом объ... [illegible] на языке своих новых клиентов. Ма... [illegible] были завалены товарами и продуктами.

[illegible] слышал о тяжелом продовольствен... [illegible] положении Греции и о страшной, голодной [illegible] 1942 года, унесшей более трехсот тысяч [illegible] о том, как родственники тайно хоро... [illegible] своих близких, чтобы не сдавать их хлеб... [illegible] по которым выдавалось девяно... [illegible] хлеба из отрубей, мякины и дре... [illegible] После всего этого такое изоби... [illegible] неправдоподобным. Мне объяс... [illegible] и во время оккупации магазины [illegible] товарами, а на черном рынке [illegible] было достать продукты питания, но [illegible] тогда, так и теперь люди, живущие на [illegible] гроши, не могут ничего купить.

[illegible] предместья Афин и Пирея выглядели мрач... [illegible] одетые люди с худыми, серо-жел... [illegible] лицами были молчаливы. Они угрюмо, [illegible] смотрели на иностранцев. Только [illegible] не скрывали своих чувств и, завидев ан... [illegible] военную форму, кричали: «Фашисты [illegible] Дети знали до мельчайших подробно... [illegible] все события последних лет в своем рай... [illegible] но от них ничего нельзя было добиться. Они хитрили и, прежде чем ответить даже на простой вопрос: как пройти на ту или иную улицу,— пытались выведать, зачем «инглези» понадобилась эта улица и вообще что ему нужно в их предместье. И было приятно видеть, как расплывались улыбками детские лица и как загорались их глаза, когда они узнавали, что перед ними советский журналист. «Россос!» («Русский!») — кричали они и начинали наперебой рассказывать, где, когда и кого расстреляли немцы, кто выдавал жителей и где этот предатель служит теперь. Они знали, где у них во время декабря стоял пулемет, чей брат или отец стрелял из него первым, [illegible] его заменил, когда его убили, и кто заменил того, второго. Они знали, кто в их квартале руководил боем, и даже готовы были по секрету указать, где этот человек скрывается, если «россос» хочет, чтобы тот сам подтвердил ему все, что они рассказали. С особенной гордостью они рассказывали о собственном своем участии в боях, и это была правда: дети сыграли немалую роль в декабре. Они помогали строить баррикады; как кошки, по крышам пробирались с патронами в отрезанные и осажденные здания; они подползали к английским танкам и кровью чертили на броне свастику. Дети привыкли видеть на танках врага свастику и хотели, чтобы все знали, что их отцы сражаются против фашистов. Они писали кровью не потому, что это казалось им более драматичным: краска не всегда оказывалась под рукой, а кровь была в избытке.

Я разговаривал со многими участниками и свидетелями декабрьского сопротивления. Их рассказы свидетельствовали о великом мужестве греческого народа, защищавшего свою свободу на баррикадах столицы, и о жестокостях тех, кто бросил свои самолеты, танки и войска, снятые с итальянского фронта, чтобы отнять у греков свободу и навязать им в правители старых, обанкротившихся, продажных политиканов.

2. ДЕТИЩЕ ВАРКИЗЫ

События декабря называли «гражданской войной», но в действительности это была неравная борьба между греческим народом и Британской империей. Настоящая гражданская война, которая продолжается по сей день, началась лишь через год, после того как на загородной вилле промышленника Канеллопулоса, близ деревни Варкиза, было подписано соглашение, которым закончилось декабрьское сопротивление. Но семена этой гражданской войны действительно были посеяны в декабре 1944 года и в первые месяцы, последовавшие за подписанием Варкизского соглашения.

Греческая реакция и ее иностранные покровители считали себя победителями и спешили расправиться со всеми участниками сопротивления. Они установили режим невиданного террора, бросили в тюрьмы тысячи бойцов ЭЛАС, заставили скрываться от преследований более ста тысяч сторонников национально-освободительного фронта (ЭАМ). По всей стране, как поганые грибы после ненастья, стали возникать монархо-фашистские банды из уголовных элементов и бывших немецких наемников, служивших в квислинговских охранных батальонах. Эти банды физически истребляли местных руководителей ЭАМ, компартии и профсоюзов.

Но прогрессивные силы Греции не считали себя побежденными. Они считали, что тридцать три дня баррикадных боев, в которых участвовала лишь небольшая часть народно-освободительной армии и безоружное население столицы и Пирея, показали не слабость их, а силу. Они знали, что в Фермопилах наступление англичан было остановлено и что пятидесятитысячная армия ЭЛАС могла годами продолжать партизанскую войну в горах, как она вела ее против немцев. Они понимали, наконец, что не военные, а политические причины привели командиров ЭЛАС и руководителей ЭАМ в Варкизу. Измученный голодом и оккупацией, греческий народ хотел мира, хотел заняться созидательным трудом, восстановлением своей разоренной родины. Гордый и свободолюбивый, он не помышлял о позорном мире, купленном ценой своей свободы и независимости. Тысячи патриотов верили в возможность честного мира. Война со вчерашними союзниками в момент, когда на полях Европы еще продолжалась борьба против общего врага, когда Крит и Додеканезы были еще заняты немцами, казалась каким-то случайным недоразумением, которое нужно как можно скорее урегулировать. Тогда в Греции еще мало кто знал о действительных целях англичан.

Немногие знали тогда об обстоятельствах, при которых была ликвидирована доблестно сражавшаяся в Северной Африке греческая ближневосточная армия и как вместо нее была создана из отборных монархистов преторианская гвардия в три тысячи человек. Немногие знали, что еще в конце 1943 года, задолго до того, как немцы покинули Афины, офицер английской разведки Дон (Стоут) в доме квислинговца Георгатоса вел переговоры с полковником гестапо Лоссом об общей линии борьбы против национально-освободительного фронта и его народной армии, а другой английский офицер, Миллер, в Македонии занимался организацией убийств командиров ЭЛАС.

Не было также известно, что, еще будучи в Египте, премьер Папандреу переправлял в Грецию генералу Спильотопулосу английское оружие для вооружения хитосов и охранных отрядов, которые должны были временно служить немцам в их борьбе против ЭАМ, а после ухода немцев стать опорой реакции.

Многотысячный митинг сторонников ЭАМ накануне плебисцита. Афины, стадион «Панафинаикон».

Жилища рабочих в афинском предместье Дургути

Не было известно, что еще 22 сентября 1943 года Папандреу послал из Неаполя, где тогда находилось греческое эмигрантское правительство, телеграмму Черчиллю, в которой он сообщал, что части ЭЛАС занимают новые районы страны, оставляемые отступающей немецкой армией, подчеркивал, что «политические средства уже недостаточно» и что «только появление внушительных британских сил на всей территории Греции может изменить положение». Папандреу требовал в этой телеграмме «немедленной и решительной интервенции» англичан против народно-освободительной армии.

Не все знали также о том, что произошло на острове Самос в 1943 году. В сентябре 1943 года партизаны освободили от оккупантов остров Самос. Через несколько недель на освобожденный остров прибыли из Египта монархическая «священная рота» и небольшой отряд английских войск. В английском обозе находился министр эмигрантского правительства вместе с королевскими чиновниками. Первое, что они сделали,— это разоружили партизан и арестовали их руководителей. А затем они без сопротивления сдали остров немцам, оставив им и оружие, отобранное у партизан.

Другими словами, широкие массы не знали о существовании задолго до декабря сложного заговора, целью которого было утопить в крови народное движение, обезоружить народ, восстановить монархию и господство черной реакции, которая служила бы сторожевым псом империалистических интересов Великобритании в Средиземном море. Мне рассказывали, что еще задолго до высадки английских войск в Греции между Черчиллем и представителями греческой реакции было достигнуто соглашение, по которому англичане должны были обезоружить народную армию ЭЛАС и подавить силы демократии, а греки обязались не поднимать вопроса о присоединении Кипра к Греции и не требовать возвращения греческого золотого запаса, вывезенного в начале войны в Англию.

Руководство ЭАМ и народно-освободительной армии, согласуя свои действия с чаяниями большинства народа, должно было сделать все, чтобы избежать длительной войны и чтобы мирным путем разрешить послевоенные политические вопросы. И они действительно сделали все от них зависящее для обеспечения внутреннего мира. Они сдали англичанам свое прославленное оружие (49 тысяч винтовок, почти 2 тысячи пулеметов и более 3 тысяч орудий и минометов). Позднее они выдвинули минимальные условия, на которых соглашались участвовать в выборах: пересмотреть фальшивые избирательные списки и ликвидировать монархические банды в провинциях. Но греческая реакция, подстрекаемая своими иностранными хозяевами, продолжала проводить политику беспощадного террора. Уже к концу 1945 года стало совершенно очевидно, что продолжение подобной политики неизбежно приведет к гражданской войне.

Об этом свидетельствовали тысячи фактов. Это видели все трезвые политические деятели и журналисты, об этом открыто заявлял и нынешний премьер Софулис.

Я помню, в то время мне пришлось беседовать с молодым человеком, который только что побывал в одном из застенков хитосов. Его руки и ноги были изрезаны бритвой и на груди вырезаны три буквы: «ККЭ» (инициалы коммунистической партии Греции). «Я не коммунист,— говорил он,— но я с гордостью буду носить на груди эти буквы».

Я видел человека, тело которого было исполосовано хлыстами, скрученными из тонкой проволоки, и превращено в один сплошной синяк. Он не мог двигаться без посторонней помощи. Его привели под руки два товарища, чтобы показать корреспондентам работу афинской полиции. Но он говорил: «Ничего, злее будем!»

Реакция обезоружила народ, но не победила его, не сломила его волю к борьбе. Афинские правители и их иностранные хозяева знали это и сознательно толкали страну к гражданской войне, полагая, что на этот раз им удастся утопить в крови народное движение и уничтожить в греческом народе все, что есть в нем передового и прогрессивного. Но они просчитались и вызвали к жизни силы, с которыми не могут справиться. С тех пор, как у подножья Олимпа, в селении Литохорон, монархический террор встретил первое вооруженное сопротивление демократов, прошло двадцать месяцев. За это время против партизан были проведены десятки крупных и сотни мелких военных операций. В борьбу были втянуты все вооруженные силы афинского правительства — армия, жандармерия, авиация, флот,— а также нерегулярные местные части, сформированные из фашистских банд. И тем не менее число партизан неуклонно росло. Из мелких вооруженных групп самообороны сложились крупные партизанские отряды, а из отдельных отрядов возникла демократическая армия Греции, руководимая генералом Маркосом — бывшим рабочим-табачником.

Демократическая армия еще не достигла численности, которую имел ЭЛАС во время Варкизы. Правительственные войска в десять раз превосходят числом вооруженные силы народной демократии, не говоря уже о превосходстве в технике. Фактически партизанской армии приходится сражаться не только против местной, но и против иностранной реакции, ибо афинское правительство ведет войну на деньги Соединенных Штатов, как до недавнего времени вело ее за счет Великобритании.

И все же партизанская армия не только успешно отражает наступление противника, но и сама проводит крупные наступательные операции и почти повсеместно сохраняет инициативу в своих руках. Ее сила и залог ее непобедимости заключаются в том, что она пользуется сочувствием и активной поддержкой огромного большинства народа, который на опыте последних трех лет понял, что борьба ведется за восстановление политической и экономической независимости страны, за свободу и элементарные человеческие права, против фашизма, прикрывающегося флагом «западной демократии».

Лебеди

Алексей ЗАРИЦКИЙ

Есть в Минске на улице
Энгельса сад.
Там липа, и клен, и каштан.
Прохладной листвою деревья
шумят,
И плещет фонтан.

И лебедь крыло распростер
над водой,
Как будто собрался в полет.
Но лебедя обнял мальчишка
рукой —
Ему улететь не дает.

Из камня и лебедь и мальчик.
Беда —
Не высохнуть им дотемна.
Журчит из лебяжьего клюва
вода,
Прозрачна и холодна.

— Я с лебедем, папа, хотела б
дружить.
И хлеба ржаного ему
накрошить! —
Лепечет дочурка моя мне
У серого мокрого камня.

— Ну, что же, кроши... Под
струей ключевой
Здесь скоро заплещется лебедь
живой.

Я слышу: под сводами старых
аллей,
Над грудами рыжих руин
Рычит экскаватор, сражаясь все
злей
С разрухой, один на один.

О будущем парке мечтают
прорабы —
И завтра поднимутся клены
и грабы,
В прудах заиграет под солнцем
вода,
И ранней весною слетятся сюда
Живые, лесные, несмелые
С Припяти,
С Немана,
С Беседи
Белые,
Белые
Лебеди,
Лебеди!

Перевел с белорусского
Семен ГУДЗЕНКО

Три года спустя

Письмо из Варшавы

П. ТРОЯНОВСКИЙ

Фото П. Бернштейна

Три года прошло с тех пор, как Советская Армия совместно с полками Польского войска освободила от немецких оккупантов столицу Польши — Варшаву.

Всякий, кто видел Варшаву в те дни, сейчас будет поражен достижениями молодой польской демократии в восстановлении и строительстве своей столицы.

В январе 1945 года на месте, где теперь ключом бьет жизнь, стояли уродливые развалины. В хаотическом беспорядке громоздились груды кирпича, щебня, земли.

Гитлеровцы разрушили Варшаву так, что коренные варшавяне не узнавали знакомых улиц, не находили родных домов.

Воины Советской Армии не застали в польской столице ни одного жителя.

Пишущему эти строки довелось снова быть в Варшаве.

Берлинский экспресс миновал Луков, прошел Седлец и вечером подходил к предместью Варшавы — Праге. Навстречу с шумом неслись переполненные дачные поезда варшавской пригородной электрической дороги. Рядом по шоссе бежали автомашины.

Все говорило о том, что мы приближаемся к большому столичному городу.

Вскоре под нами засветились улицы Праги. За Вислой огромным амфитеатром лежала Варшава. В свое время я много раз смотрел с пражского берега на польскую столицу. Тогда над ней днем и ночью висело огромное облако дыма. Гитлеровцы жгли и взрывали дома.

Теперь Варшава сверкала тысячами электрических огней.

Поезд остановился на станции Варшава-Гданская. Небольшой деревянный вокзал. Десятки лет на его месте стоял один из самых красивых столичных вокзалов. Польский Гданск принадлежал Германии, но поляки из поколения в поколение передавали любовь к приморскому городу и всегда называли его своим. Немцы разрушили вокзал и пытались искоренить в польском народе память о польском Гданске. Но историческая правда восторжествовала. Гданск снова и навсегда стал польским, а в Варшаве опять есть вокзал с названием «Гданский».

Рядом с вокзалом начинаются развалины: торчат высокие красные стены, лежат груды битого кирпича,— и в некоторых местах чернеют огромные ямы.

Развалин очень много, тянутся они целыми километрами, и временами, смотря на них, спрашиваешь себя: войдет ли в них жизнь, существует ли сейчас живая Варшава?

И как бы отвечая вам, за поворотом вдруг вырастают ряды многоэтажных домов. Их много — целые кварталы.

А широкая, просторная Маршалковская улица по-настоящему удивляет вас. 17 января 1945 года на ней не было ни одного уцелевшего дома. Теперь справа и слева блестят зеркальные окна магазинов, ресторанов и кафе. Голоса мальчишек выкрикивают названия польских газет.

На стенах домов светятся буквы реклам. «Лучший отель Варшавы — «Бристоль». «Варшавская опера работает вновь. Не забудьте посетить ее спектакли». «Покупайте шоколад фабрики «Ведель».

Улица Замойского в предместье Варшавы — Праге.

На Маршалковской шумно, как бывает шумно на центральных улицах всех столиц мира.

За вновь отстроенным зданием Варшавской городской рады начинается аллея имени товарища Сталина. Варшавяне присвоили имя нашего вождя самому красивому проспекту польской столицы. На нем расположены многие министерства, посольства иностранных государств, Центральный комитет Польской рабочей партии, а замыкает его знаменитый Бельведер — резиденция президента Польской республики.

Поляки тепло и искренно хранят память о воинах нашей армии, сложивших голову в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Одна из улиц названа именем Советской Армии. Осенью прошлого года был открыт монументальный памятник советским бойцам. На могилах советских воинов лежат венки и горят звезды.

Радует нас и огромный интерес ко всему советскому. В Варшаве есть кинотеатр, в котором демонстрируются исключительно советские фильмы. Кинофильмы «Весна», «Музыкальная история», «Каменный цветок», «Ленинград в борьбе», «Клятва» прошли в польской столице с огромным успехом. В театрах идут советские пьесы. Магазин советской книги охотно посещается поляками.

В залах Польского национального музея больше месяца работала выставка, посвященная 800-летию Москвы. Целыми днями у картин, фотографий и карт советской столицы толпились сотни варшавян.

В дни месячника польско-советской дружбы в Варшаву приезжали ансамбль народного танца под управлением Игоря Моисеева и русский хор под управлением Свешникова. Интерес к выступлениям этих коллективов был так велик, что танцорам Моисеева пришлось отказаться от театральных подмостков и выступать на стадионах. На концерты хора Свешникова поступило больше 100 тысяч заявок.

Большой успех выпал на долю советских боксеров и советских волейболистов.

Редакции варшавских газет завалены просьбами читателей больше писать о Советской стране, ее успехах в мирном строительстве, ее литературе, науке, искусстве.

Интерес к Советской стране вполне закономерен и объясним. Польшу освободила наша Армия. По инициативе нашего правительства Польше возвращены ее древние западные, так называемые пястовские земли. Советское государство оказывает Польше огромную помощь машинами, хлопком, самолетами, хлебом и многим другим.

Наконец, наша страна оказала большую помощь самой Варшаве.

Прокладка новой трамвайной линии на улицах Варшавы.

Вверху — бухарский зал

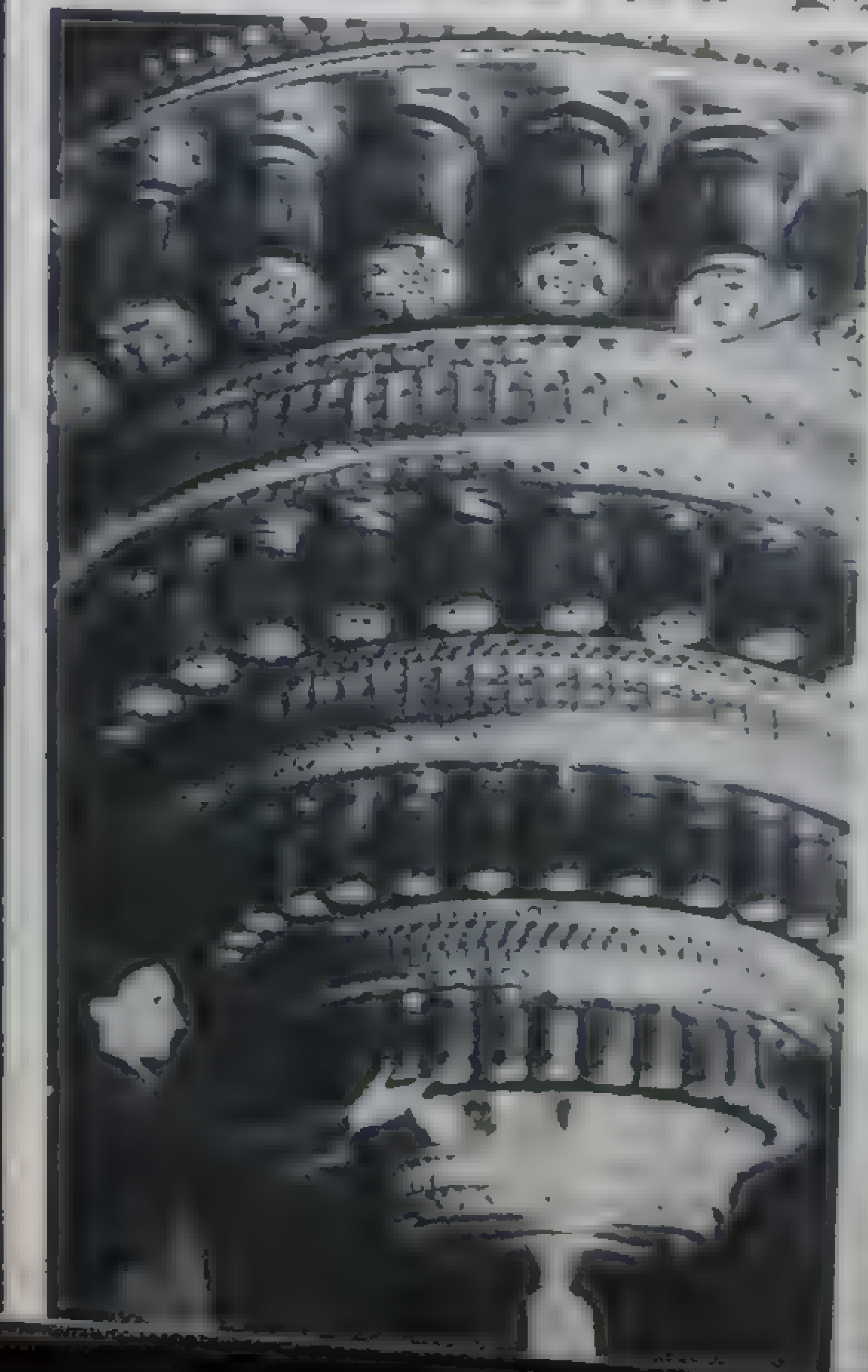
Слева вверху — зрительный зал, внизу — уголок одного из залов театра.

Внизу — люстра зрительного зала и центральная часть купола зрительного зала с люстрой (хрусталь Таллинского хрустального завода, металлические конструкции мастерских Метростроя)

Просторные фойе и кулуары делятся на ряд «областных» зал — это позволило использовать огромную декоративную культуру отдельных районов.

Привлечение народных мастеров дало возможность этим хранителям большого традиционного искусства оформить «областные» залы в стиле своих родных районов. Поэтому в театре есть оформленные усто (мастерами) Ширин Мурадовым, Кули Муразовым, Балтаевым, Таш-Пулат Асланкуловым залы: ташкентский, ферганский, бухарский, самаркандский, хивинский, термезский и зал Навои.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СОРТА

А. Г. ЛОРХ

Лауреат Сталинской премии доктор сельскохозяйственных наук

Профессор А. Г. Лорх, советский ученый-селекционер, вывел новый замечательный сорт картофеля, получивший имя своего создателя. Картофель «лорх» у нас в стране почти совершенно вытеснил старые сорта.

1. СТРАНИЧКА ИСТОРИИ

В 1846 году микроскопический грибок фитофтор грозил голодом Европе. Он беспощадно уничтожал посевы картофеля, обрекая миллионы людей на вымирание и нищету. Особенно свирепствовала эпидемия фитофтора в Ирландии, где за один год из 8 миллионов населения погибло от голода около миллиона.

К счастью, эпидемия фитофтора стихла в следующем, 1847 году. Но кто мог быть уверен в том, что она вновь не вспыхнет, может быть, с еще большей силой?!

Нужно было найти радикальные средства борьбы с картофельным мором — это хорошо понимали ученые.

Поиски антифитофторных средств были длительными и долгое время безуспешными. Американец Гудрич стал бороться с болезнью путем селекции: он старался вывести сорта картофеля, устойчивые против заболеваний. Одновременно с работами Гудрича в Америке селекцией картофеля занялись и европейские ученые.

Но пока первые селекционеры вели свои опыты, пытаясь вывести устойчивые сорта, посевы картофеля в Европе подверглись новому нашествию фитофтора.

В дождливое лето 1916 года от фитофтора во Франции погибло свыше 80 процентов, а в Германии — 33 процента урожая картофеля.

В России эпидемия фитофтора имела особенно тяжелые последствия. Семенной фонд картофеля оказался весь зараженным. России грозила опасность остаться на долгие годы без картофеля.

Доктор сельскохозяйственных наук профессор А. Г. Лорх.

2. КРОПОТЛИВЫЙ ТРУД

Однажды я, как всегда, утром пришел на работу в селекционную лабораторию Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В те годы я занимался изучением клевера и ни на что другое не собирался переключиться. Поэтому предложение организатора лаборатории Рудзинского заняться селекцией картофеля и вывести свой отечественный сорт картофеля, устойчивый против заболеваний, высокоурожайный и вкусный, приспособленный к климату и почве России, застало меня в то утро врасплох. Тем не менее я немедленно решил взяться за новую работу, понимая всю ее важность и своевременность.

Создание нового сорта картофеля — синтетическая работа. Ей предшествует кропотливый анализ скрещиваемых сортов.

Отсутствие определителей сортов было первой трудностью, которую мы встретили на нашем пути.

Нечего и говорить, что систематизация сортов картофеля стоила нам больших усилий и отняла много времени. Период систематизации длился 6 лет.

Сортоиспытание—наиболее ответственная часть селекционной работы. Это и есть тот анализ компонентов, из которых надо синтезировать новый сорт.

В самом деле: как можно скрещивать сорта, не зная их качеств и прежде всего способности передавать эти качества по наследству? Можно составлять миллионы всевозможных комбинаций скрещиваемых пар, но все они не приведут к желанному результату.

Мы знали, скажем, что «смысловский» сорт урожаен и вкусен, но легко подвержен заболеваниям. Польский сорт «свитязь» показал на сортоиспытании устойчивость против заболеваний, но меньшую урожайность. Так, проводя тщательный отбор и испытав много сортов картофеля, мы только летом 1921 года на опытном поле Кориневской селекционной станции произвели первое массовое скрещивание. Для него мы использовали только те сорта, которые показали способность наследовать ценные биологические и хозяйственные качества: урожайность, крахмалистость, хороший вкус и прежде всего устойчивость против заболеваний.

3. РОЖДЕНИЕ НОВОГО СОРТА

Те, кому приходилось самому выводить новые сорта растений, знают, какой это кропотливый труд. Аккуратно, чтобы не повредить цветок, из пыльника отцовского цветка заостренной палочкой снимают пыльцу и намазывают ее на рыльце материнского цветка. Осенью со скрещенного цветка снимают ягоды. После промывки из них получают чистые семена. Весной семена высеивают в оранжереи. Из них всходят семядоли, потом листочки и, наконец, ростки нового растения.

Как дети у одних и тех же родителей никогда не походят друг на друга, так и от скрещивания родительских сортов картофеля мы получили разные сеянцы.

В общей сложности во время этого массового скрещивания было получено 2400 сеянцев. Новорожденные сеянцы получали порядковые номера. Тот, о котором я собираюсь рассказать, носил номер 525. Он был одним из 257 сеянцев, полученных от скрещивания «смысловского» сорта с сортом «свитязь». На первый взгляд он ничем не отличался от своих братьев и сестер. Так же, как и им, ему предстояло пережить суровую зиму 1922 года — первое испытание в жизни.

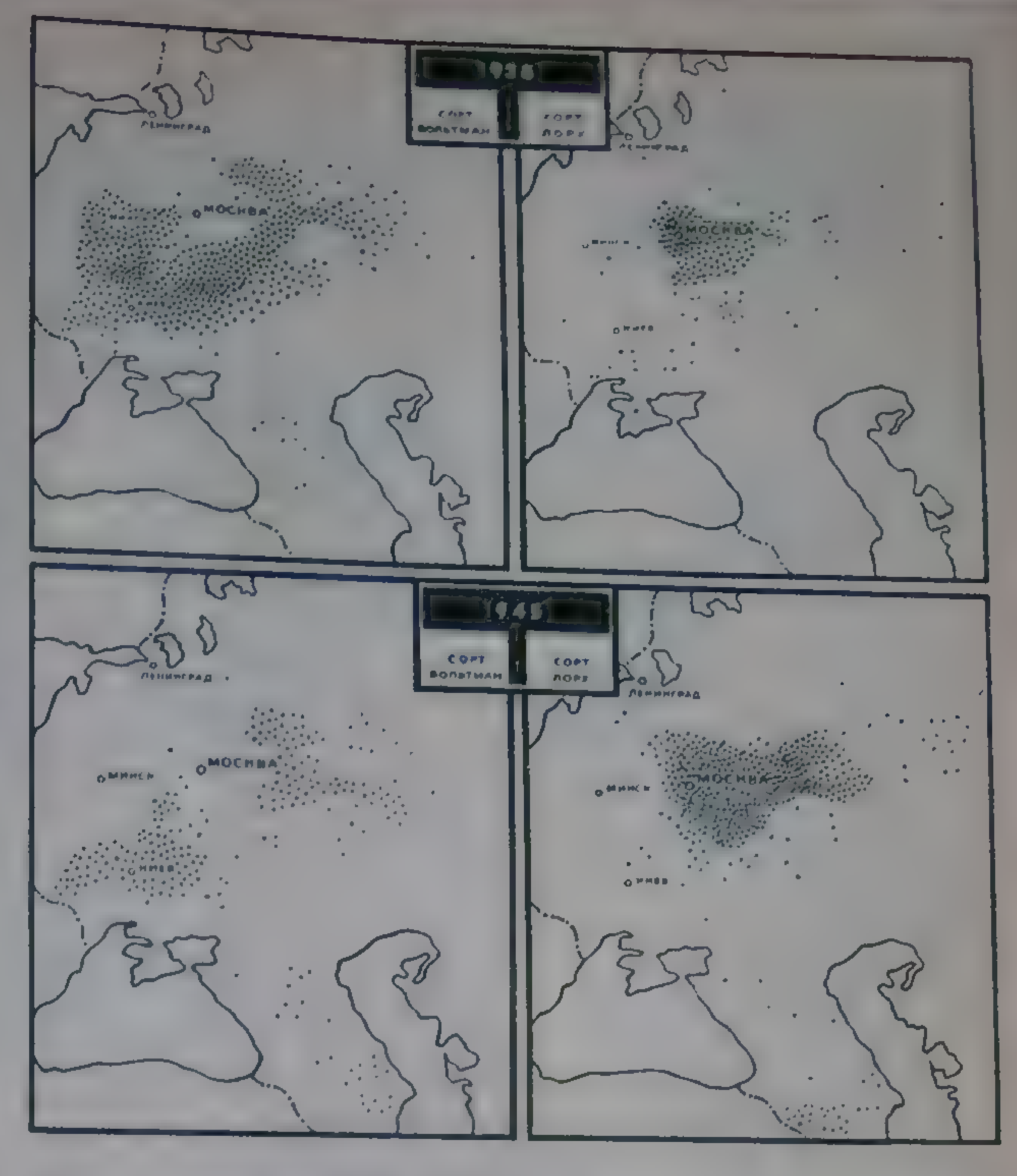
Он выдержал его с честью.

Весной 1922 года мы высадили по одному кусту оставшихся сеянцев, а в каждом следующем году увеличивали их число.

Из 257 сеянцев, полученных от одного скрещивания, по своим качествам в практику сельского хозяйства вошло всего 2 сеянца, ставших новыми сортами картофеля: «сорт № 525» и «сорт № 516».

До 1928 года новые сорта только испытывались, а весной 1929 года они впервые поступили на размножение в семеноводческие хозяйства.

Так родились два сорта картофеля, известные теперь под названием «лорх» и «кориневский».

Карта распространения старого сорта картофеля — «вольтман» — и нового сорта — «лорх» — в 1938 и 1945 годах. На Украине и в Белоруссии культивируются другие, ракоустойчивые сорта картофеля.

С каждым годом росли посевы новых сортов. В 1929 году в семеноводческих хозяйствах были получены первые 29 тонн картофеля «лорх», а уже в следующем году им было высажено 27,5 гектара в Ухтомском районе, Московской области. В 1931 году посевы «лорх» составляют по всей Московской области 396 гектаров. Два года спустя «лорх» начинают сеять повсеместно в СССР, и посевы его в 1945 году достигают 338 077 гектаров.

«Лорх» становится наиболее распространенным сортом картофеля и своеобразным стандартом для сортоиспытания.

Вывести новый сорт картофеля, испытать его в различных почвенно-климатических условиях—большая задача, но далеко не полная. Новому сорту надо дать «путевку в жизнь». Другими словами, выяснить, при каких условиях можно выращивать высокие урожаи этого сорта.

Эта часть задачи и составляет вторую проблему, над которой мне пришлось долгие годы работать и которая сейчас уже завершена.

В настоящее время мы можем соответствующими приемами агротехники управлять ростом ботвы и клубней, улучшать форму клубней, крахмалистость и вкус, регулировать скороспелость растения, его урожай, добиваться наибольшей устойчивости против заболеваний.

Недавно начата работа по борьбе с болезнями картофеля — колорадским жучком и картофельным раком. Обе эти беды идут к нам с Запада, и мы готовимся встретить их устойчивыми сортами и специальной агротехникой.

РИСУЮТ ДЕТИ...

Если внимательно посмотреть на рисунки, изображающие Москву, то нетрудно заметить, что по асфальтированным улицам мчатся автомашины марки «ЗИС-110», движутся цельнометаллические троллейбусы, а дома вдоль улиц — новейшей архитектуры. Это чрезвычайно характерно: дети-художники более всего интересуются необычным и новым, входящим в их жизнь. Если изображать самолет, то обязательно реактивный, а поезд — непременно обтекаемый. Но не только новая техника занимает юных рисовальщиков. Дети примечают все главное, все основное, что творится вокруг, и именно поэтому на 2-й Всесоюзной выставке детского творчества преобладают изображения мирного созидательного труда советских людей.

Эта тема лейтмотивом проходит через всю выставку, и конкурировать с нею могут лишь «салюты».

Праздничный фейерверк изображают не только москвичи и ленинградцы, но и жители маленьких городов и сел, которым салюты знакомы лишь по фотографиям.

Есть на выставке портретисты-жанристы и пейзажисты. Есть и театральные художники. Так Нонна Степанян из Еревана, прирожденный декоратор, а Леночка Лебедева, московская школьница, зарисовывает в театре и общий вид затемненного зала, контрастирующего с освещенной сценой, и тоненьких балерин, одевающихся перед выходом на сцену.

Выставка, организованная Центральным домом художественного воспитания детей, создана из 10 тысяч рисунков. Октябрята и пионеры со всех концов Советской страны живо и увлекательно рассказывают о жизни своей Родины. Они вкладывают в рисунки чистое и непосредственное восприятие окружающего, горячую любовь к своему родному краю — и в этом интерес 2-й Всесоюзной выставки детского творчества.

ПРОЙДЯ ПО ЗАЛАМ ВЫСТАВКИ, МОЖНО УВИДЕТЬ МНОГО ИНТЕРЕСНОГО

1. 13-летний Сеня Бурчевский очень хорошо изобразил восстановленную украинскую деревню. 2. Маленький москвич Чукаев нарисовал «про молотьбу». 3. Пээп Тылдсепп рассказывает о возрождении городов Эстонии. 4. Алеша Голошапов нарисовал с натуры строительство нового дома в Москве, на Садово-Каретной улице. 5. Красиво изобразил Салахутдинов Анвар прокладку канала в выжженной солнцем степи. 6. Туркменский школьник Атаев колоритно показал сбор урожая.

Приглашение к танцу

В. ГОРОДИНСКИЙ

«Музыка толстых»

В Америке и западноевропейских странах за последние два десятилетия создалась огромная литература о джазе и джазовом танце. Есть своя джазовая критика и особая «теория джаза». Существует и весьма точная, тщательно разработанная классификация жанров и видов джаза.

Для характеристики общественного значения искусства джаза очень интересно высказывание французского джазового теоретика Хюго Панасси. Он считает, что важнейшим свойством джаза, особенно в его новейшем, так называемом «суингстиле», является способность к своеобразной электризации или даже гальванизации человека, способность служить «доппингом» — возбуждающим, наркотическим средством.

Что ж, это, пожалуй, и верно, хотя далеко не ново. Это свойство фокстротной музыки еще в конце 20-х годов подметил А. В. Луначарский, указывавший, что лозунгом современной буржуазной музыки является «От доппинга до наркотики и обратно». И он же один из первых подметил, что ритмы джаза почерпнуты из машинной ритмики, что они «не человечны, они рубят вашу волю в котлету». В навязывании живому человеку ритмов машины и, следовательно, психологии механической подчиненности, в стремлении парализовать волю и мысли трудящегося человека заключается давняя мечта идеологов буржуазии. Это в равной мере идея Ницше, Тэйлора или Форда.

Задача современной буржуазной музыки диаметрально противоположна задаче классической танцовальной музыки. Она не возбуждает сильные, жизнерадостные чувства, а, напротив, гасит и подавляет их. Она не увлекает порывистой страстностью, но гипнотизирует мертвенной, холодной механичностью своих ритмов, бедственным однообразием и скудостью мелодического материала. И даже когда ее назначение — действовать в качестве доппинга — возбудителя,— в основу берутся только истерические вопли.

Прислушайтесь к звукам современного американского «суинга». Вы услышите придушенный, гнусавый голос трубы, кваканье саксофона, чередующиеся с совершенно идиотским хохотом (этим эффектом, увы, злоупотребляют и наши саксофонисты). Скрипка — одно из самых дивных созданий человеческого гения — унижена в джаз-оркестрах до позорной роли клоунской метлы с пузырем. Неужели эта хаотическая смесь меланхолически нудных звучаний, перемежающихся эпилептическими припадками с буйством и грохотом больших и малых барабанов,— неужели все это музыка?

В танце сокрыта музыка, и в музыке заключен танец. Нам довелось видеть за границей «настоящий» современный западный танец, под самую что ни на есть «модерн»-музыку американского фокстротного кулинара. Мы с изумлением смотрели на этих людей, переминавшихся на месте, ноги которых заплетались, как у пьяных. Лица танцующих не выражали ничего, кроме смертельной скуки и полнейшего равнодушия.

Легко предвидеть возражения. Ведь джазовая музыка имеет своих приверженцев и у нас, и к тому же у нас имеются превосходные джаз-ансамбли и настоящие мастера этого искусства. Это совершенно справедливо. Но все дело в том, что в СССР из элементов джазовой музыки сложилось нечто резко отличающееся от ее американского прототипа. Строго говоря, то, что по традиции называется советским джазом, по сути дела представляет собой явление, принципиально очень далекое от современной американской джазовой музыки.

Советская джазовая музыка заимствовала от первоначального джаз-банда только известную сумму технических приемов, но в остальном развивалась совершенно самостоятельно.

Читателя может заинтересовать происхождение джаза, так как и этот род музыки и танца имеет свою историю, как всякий другой.

Существует ряд филологических изысканий о происхождении самого слова «джаз», так как ни в одном европейском языке у него корней нет. Предполагалось даже, что слово это является имитацией жужжащего и звенящего звука маленьких бронзовых тарелок, употреблявшихся в примитивных негритянских ансамблях в низовьях Миссисипи.

Но наиболее распространенным было предположение, что имя джазовым ансамблям дал некий Джазбо Браун, американский негр, музыкант, игравший в одном из ньюйоркских кабачков во время первой мировой войны. Ему приписывается изобретение специфических джазовых импровизаций на корнете и на флейте, какие и сейчас можно слышать во многих американских джаз-бандах.

Есть, однако, еще и другая, на наш взгляд, весьма правдоподобная, версия, выводящая происхождение слова «джаз» от французских колонистов, живших в середине прошлого века в низовьях Миссисипи и пренебрежительно называвших музыку своих черных невольников словом «jaser» (примерно — «трескотня», «болтовня»). Негры-музыканты, привыкшие к этому слову, придали ему оттенок своего наречия («slang» американских негров), и так появилось слово «джаз», первоначально обозначавшее только негритянскую танцовальную музыку, отличавшуюся острой и разнообразной ритмикой и необычайно колоритными мелодиями.

Из причудливой смеси элементов, вынесенных с африканской родины, переработанных интонацией протестантских гимнов, превратившихся в негритянские духовные песнопения, так называемые «спиричуэлс» (spirituals), американские негры, народ, блестяще одаренный и выдвинувший из своей среды массу превосходных музыкантов, выработали вполне оригинальный стиль национальной негритянской музыки, постоянно привлекавший к себе внимание и белых композиторов.

Без сомнения, это очень не нравится некоторым американским политическим деятелям, но в действительности американская национальная музыка на три четверти является музыкой негритянской. Недаром в музыке гениально одаренного, к сожалению, рано умершего американского композитора Джорджа Гершвина негритянские мотивы настолько преобладают, что в его единственной опере «Порги и Бесс» даже почти все действующие лица — негры.

Однако «белые» буржуазные господа, за немногими исключениями, заимствовали в музыке негров как раз то, от чего их черные рабы давным-давно ушли к более высоким формам музыкальной культуры.

Стремление к примитиву, к образцам, почерпнутым в творчестве первобытных народов, вообще присуще упадочному искусству буржуазии, и вот «белые» господа усердно заимствовали в музыке американских негров именно ее архаические, примитивные черты, отнюдь не стремясь к развитию на их основе новой высокой формы музыки, а, напротив того, всеми способами стараясь консервировать эти черты, воскрешая по возможности заунывные речитативы и барабанную ритмику африканских заклинателей и колдунов, шаманские напевы и танцовальную магию древнеязыческих культов. В современных негритянских государствах, еще сохранивших тень независимости (Либерия, Гаити), пережиточные остатки этих культов, в том числе религиозные

Рисунок Г. Валька

танцы и песни, находятся под строжайшим запретом.

Таким образом, если бы где-нибудь в либерийских лесах нашелся любитель каннибальской старины, ему пришлось бы отправиться на поклонение святым в Нью-Йорк.

В уже цитированной нами статье Горького «Музыка толстых»[1] великий советский писатель говорил, что негры, вероятно, смеются над своими бывшими «белыми» господами, усвоившими то, от чего негры давным-давно отказались. И верно, как не смеяться современным американским неграм, выдвинувшим из своей среды таких великих артистов, как Мариан Андерсон или Роланд Хейс, как не смеяться им над дикарями во фраках и смокингах и их полуголыми подругами!

Недаром все же наиболее «рафинированные» разновидности современного западного танца решительно не привились у нас. Да и самый джаз, как мы уже заметили раньше, в его советской форме имеет сравнительно немного точек соприкосновения с характерным джазовым «американизмом».

Типичное для джазового американизма изуродование инструментальных тембров музыкальных инструментов находит все меньшее и меньшее применение в практике советских джазовых оркестров, а наша публика, воспитанная на образцах классической русской вокальной школы, в эстетических нормах русского народного пения, решительно не приемлет хриплого воя, культивируемого в американском вокальном джазе.

* * *

Что же касается влияний зарубежной джазовой традиции на творчество наших композиторов, так называемой музыки малых форм, то эти влияния, за некоторым исключением, незначительны.

Мы не находим их ни в лучших и наиболее популярных произведениях Дунаевского, ни в творчестве Блантера, ни, того менее, в творчестве композиторов Соловьева-Седого, Листова, Новикова.

Это не означает, однако, никакого благополучия. Дело в том, что в практике всевозможных танцклассов, бесчисленных «школ западного танца», на клубных и всяких иных танцовальных вечерах, где веселится наша молодежь, звучит сколько угодно отвратительной импортной музыкально-танцовальной дряни немецкого, англо-американского и просто неизвестного происхождения, отравляющей художественный вкус нашей молодежи и способствующей насаждению уродливых образцов буржуазно-модернистской танцовальной «пластики».

И все же надо признаться, что именно в танцовальной музыке нашими композиторами сделано всего меньше. В сравнении с песенным богатством, которым мы располагаем в результате пройденного советской музыкой тридцатилетнего пути, наши танцовальные «накопления» крайне незначительны.

Это тем более странно, что наша балетная музыка за эти же годы обогатилась необычайно, а ведь к балетному танцу танец бальный находится примерно в тех же отношениях, что массовая песня к академическим жанрам вокального искусства.

К так называемому «бытовому», массовому танцу наши композиторы относятся с явным пренебрежением, повидимому, считая его чем-то недостойным внимания серьезного музыканта. Об этом нельзя не пожалеть потому, что новые формы бытового танца имеют значение немногим меньше, нежели массовые песни, и роль их в эстетическом воспитании молодежи огромна.

Нашим композиторам следовало бы вспомнить, что такое пренебрежение к очень важной стороне художественного быта огромной массы людей совсем не в традициях русского музыкального искусства.

Ровно сто лет назад в «Музыкальном обозрении» 1847 года В. Стасов указывал, что не должно оставаться без внимания то, что занимает целые массы людей, и что «танцевальная музыка... сблизила с общественным понятием весьма многое, казавшееся в настоящей музыке темным: она начала образовывать уши большинства публики посредством своих популярных форм и сделала уже ныне доступным для весьма многих ушей то, что десять лет тому назад было бы для них недоступно».

Право же, стоит вновь призадуматься над этими словами выдающегося представителя русской музыкальной критики! Вопрос о новом советском танце — совсем не пустяк, и наша прекрасная молодежь отплатит сердечной признательностью художникам, которые позаботятся о его создании.

От редакции

Автор статьи «Приглашение к танцу» ставит перед нашими композиторами вопрос о создании советского бытового, массового танца. Желательно, чтобы читатели, деятели хореографического искусства и мастера танцовальной музыки откликнулись на страницах «Огонька» на вопрос о новых формах бытового танца, имеющего, по мнению В. Городинского, «значение немногим меньшее, чем массовая песня».

---

[1] См. статью В. Городинского «Приглашение к танцу» в № 3 «Огонька».

ПОРТРЕТЫ В ФАРФОРЕ

И. Слоним. Портрет лауреата Сталинской премии художественного руководителя Центрального театра кукол С. В. Образцова.

И. Слоним. Портрет лауреата Сталинской премии балерины М. Т. Семеновой.

И. Слоним. Портрет лауреата Сталинской премии композитора Д. Д. Шостаковича.

Создание портретов в фарфоре сложно главным образом потому, что фигурка, вылепленная скульптором, при обжиге в печи значительно деформируется; фарфор поэтому требует от ваятеля предельной лаконичности в линиях.

Скульптор И. Слоним выступает на Всесоюзной художественной выставке с несколькими фарфоровыми статуэтками из цикла портретов мастеров советского искусства.

Наиболее удачен из этой серии портрет народного артиста РСФСР С. Образцова. Он изображен перед выходом на сцену, репетирующим с куклой. Портретное сходство артиста бесспорно как в лице, так и в манере держаться. Точно передана мертвенная улыбка куклы. Чередование черного, красного, белого тонов в сочетании с классическим постаментом, на котором застыла упавшая кукла, создает декоративный театральный эффект.

В решении образа И. Слониму в значительной мере помогает цвет. Бирюзовая туника Марины Семеновой придает балерине воздушность и легкость.

В фарфоре И. Слоним находит большие пластические возможности, сохраняя необходимые для подлинной скульптуры изящество и грацию. Мы знали Слонима как мастера портретов в бронзе, гипсе и дереве; теперь он дебютирует в фарфоре. Скульптор намерен расширить свою портретную галлерею и изобразить Прокофьева, Уланову, Гилельса, Кукрыниксов и других видных деятелей советского искусства.

Э. ВЕНОВ

Дружные соперники

Ал. СВЕТОВ

Город Киров. За серебряной, наконец-то скованной льдом, быстрой Вяткой дремлет заиндевевший парк. И вдруг пушистой молнией мелькнула в ветвях испуганная белка. Шорохом скользящих по целине лыж, молодыми голосами ожил парк. На опушку выскочил из просеки лыжник. За ним — другой, третий.

Впереди мастер спорта Александр Фофанов. За Фофановым — Коля Трушков. Иван Редькин идет третьим. Он видит перед собой мерно сгибающуюся и распрямляющуюся спину своего друга. Именно с Трушковым у Редькина разгорелись борьба и соперничество. Так было во всем — и в работе и в спорте.

Их станки стояли рядом. И Редькин и Трушков — токари высокого разряда. В годы войны подростками пришли они на завод. Соревнование друзей началось еще до того, как Николай Трушков написал официальный вызов Редькину. «Сразу две нормы,— подумал Редькин,— многовато». Но виду не подал.

— Не угнаться мне, Коля, за тобой,— с простоватой хитрецой промолвил он,— а все-таки... попробуем.

Кировские лыжники (слева направо): И. Редькин, Н. Трушков, И. Мукушев и Т. Алферова.

Фото В. Крекнина.

Высокий, худощавый Трушков молча и серьезно кивнул головой. До чего же разные характеры у этих двух парней! Трушков привык все делать крепко, основательно, тщательно подготовившись. Задолго до лыжных соревнований он начинал тренировку по снежной равнине, раскинувшейся за корпусами завода. Он тренировался в любую погоду: в пургу, в оттепель, в жестокий мороз. Устав после работы, он становился на лыжи. В этом был его отдых.

В цех Трушков приходил минут за десять до своей смены, деловито осматривал станок, заготовлял плашки, подбирал резцы, чтобы лишний раз не бегать за ними в кладовую, и только тогда приступал к работе.

Редькин был другого склада. Николай считал его удачливым. Ему казалось, что Редькин вкладывает в дело совсем мало усилий. Работает споро, весело и ко всему относится мягко и просто: дескать, что ж такого, возьму и сделаю. И все ему удавалось. Но если бы знал Трушков, какой ценой доставались его другу легкость и непринужденность, приносившие ему успех, он понял бы, что здесь не только везенье, удачливость. Здесь труд и расчет своих сил и времени.

Занятия спортом научили Редькина ценить время. Он ощущал биение секунд. Борьба на дистанции приучила его ощущать каждую дольку времени, бороться за нее. Если на дистанции путь к финишу Редькин измерял числом резких, размашистых шагов, то в цехе путь к победе он мерил количеством деталей, вышедших из-под его рук в час, в минуту. Ему хотелось опередить самое время. Изготовив несложное приспособление, добившись увеличения выработки в полтора, а затем и в два раза, он тотчас поделился своим изобретением с Трушковым, с соседями по станку, и производительность цеха сразу же стремительно поползла вверх.

В социалистическом соревновании на первое место вышел Николай Трушков. Он дал две с половиной нормы в месяц, Редькин — две. Иван поздравил своего друга, улыбнулся и сказал:

— Это хорошо, Коля, что ты меня обогнал. Злее буду.

На следующий месяц его выработка оказалась большей, чем у Трушкова.

По примеру Редькина и Трушкова соревнование начали и другие молодые рабочие, физкультурники механического цеха. В красном уголке, где стояли спортивные призы и вывешивались таблицы рекордов заводских лыжников, конькобежцев, легкоатлетов, появились новые рекорды — производственные.

Рядом с фамилией Редькина стояла цифра — 280%. На другой таблице против его фамилии было выведено: «1 час 13 мин. 28 сек.». Это было его достижением в беге на лыжах на 18 километров в соревнованиях по северной зоне. Редькину в 1947 году присудили звание победителя северной зоны. Зато Трушков отличился в прыжках на лыжах с трамплина. В городе Кирове не было более сильного прыгуна, чем он.

Осенью Редькин сказал Трушкову:

Девушки берут старт.

Зимний город Киров

Фото Л. Щипкина

Издавна славится город Киров своими лыжниками и конькобежцами. Каждый год, как только снег уляжется на землю, как только лед покроет пруды и катки, в городе торжественно празднуется открытие зимнего сезона.

В красивом сосновом бору заречного парка, излюбленном месте лыжников, 136 команд разыграли эстафеты. Как обычно, первыми старт приняли самые юные лыжники, пятнадцатилетние ребята и девочки. Уходят со старта женщины, за ними — мужчины. А пока идут гонки, на центральном катке города, «Динамо», многочисленные зрители наблюдают за ходом блицтурнира по хоккею.

Вслед за хоккеистами начались соревнования конькобежцев, в которых участвовало более 180 человек.

Вот и фигуристы спортивной школы молодежи легко и красиво скользят по льду. Весь город стал одним огромным снежным стадионом.

И. КРЕКНИН

Выступление фигуристов спортивной школы молодежи.

Иван Редькин на дистанции.

— Ну, Коля, новую жизнь начинаю. Пожелай мне удачи.

— Как так? — удивился Николай.

— Поступил учиться в техникум. Машины буду строить.

— Когда же ты успел подготовиться? — еще больше удивился Трушков.— Работал, а вечера проводил на спортивной площадке. Когда же?

— А ночь на что! Сутки велики. В сутках 24 часа. Это, знаешь сколько? 1440 минут, а точнее, 86 400 секунд! Много, правда?

В техникуме начались занятия. Редькин долго не показывался. Почти месяц не видел его Трушков. Увидел случайно на улице. Похудел друг, осунулся, и только серые глаза под белесыми бровями попрежнему светились веселым лукавством.

— Ну, как дела, студент?

— Не говори! — усмехнулся Редькин. — Вряд ли одолею логарифмы...

Трушков улыбнулся. По тону Редькина он понял, что у того все в порядке: учебой он доволен, и хотя не без труда дается ему наука, но и логарифмы и более серьезные вещи он одолеет.

— А как спорт? — спросил Трушков. — Зимой не до лыж тебе будет.

— Это еще как сказать! — вскинул голову Редькин. — Мы еще померяемся с тобой на лыжне...

И вот они скользят по снегу: Трушков впереди, Редькин за ним. Идет борьба за звание сильнейшего лыжника города Кирова. Трудно держать темп, нехватает дыхания, а Трушков все жмет и жмет. Крутой поворот, лыжи рвутся из-под ног, и Редькин падает, снег обжигает лицо. Ну, теперь не догнать. Но Редькин, озлобленный падением, прикусив губу, шел и шел своим характерным, резким шагом, попеременно выбрасывая вперед палки.

— Лыжню! — то и дело выкрикивал он, одного за другим обходя соперников, даже не стараясь разглядеть, кто они. — Лыжню!

Три секунды, а может быть и пять потерял он при падении. Проклятая случайность! Столько сил положено на подготовку, и все потерять на крутом склоне! Пусть другие думают, что в жизни ему все дается легко, само он отлично знает цену своих побед. Редькин смеялся, когда ему говорили, что все это он делает ради спортивной славы. Слава — это только награда за труд. Просто он хочет быть всегда сильным, веселым, потому что сильным и жизнерадостным должен быть каждый человек. Это помогает жить, а в жизни он мечтает сделать еще очень многое.

Скорость! Сейчас он должен дать скорость. От этого зависит многое и прежде всего — будет ли он уважать самого себя. Друзьям он сказал шутливо: «Куда мне тягаться с мастерами!» — но про себя-то он решил: «Я должен придти первым...»

— Лыжню! — резко крикнул Редькин и, мельком взглянув на лыжника, узнал в нем Фофанова.

Впереди виднелась высокая фигура другого гонщика. Это мог быть только Трушков.

Последним рывком Редькин бросил свое тело вперед и едва не наскочил на лыжи соперника. Он взял чуть вправо, проскользнул вперед и пронесся первым через финишную черту...

— Поздравляю, Ваня! — просто сказал Трушков, вытирая заиндевевшие брови. — На этот раз ты первый, а завтра посмотрим. Борьба ведь только начинается...

Усталые, с лыжами через плечо возвращались они в город — дружные соперники и в работе и в спорте.

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Итоги гимнастического сезона

ПОБЕДА В. БЕЛЯКОВА и Г. УРБАНОВИЧ

Под трибунами московского стадиона «Динамо» находится большой двухъярусный зал, где тренируются сильнейшие гимнасты столицы. Здесь можно увидеть Владимира Белякова, Владимира Лаврущенко, Галину Урбанович и многих других учеников заслуженного мастера спорта Бориса Николаевича Астафьева. В динамовском зале, предназначенном не для зрителей, а для участников соревнований, готовились все крупнейшие гимнастические выступления, которыми был так богат истекший год.

Да, этот прекрасный вид спорта получает у нас все более широкое распространение и привлекает все большую аудиторию.

Личное первенство страны по отдельным снарядам, разыгранное в мае, было вынесено из зала на просторы стадиона, и трибуны оказались заполненными зрителями, с увлечением наблюдающими борьбу сильнейших.

Вскоре после этого в Ленинграде прошли соревнования гимнастов ВЦСПС, собравшие на стадионе «Медик» спортсменов со всех концов страны.

Мы снова встретились с гимнастами в день физкультурного парада на московском стадионе «Динамо»: ведь этот грандиозный и красочный праздник весь, от начала до конца, пронизан гимнастикой.

В августе имена наших мастеров прозвучали за рубежом, в стране, которая считается родиной снарядовой гимнастики,— Чехословакии. Там, по оценке самых строгих и авторитетных ценителей, наши спортсмены были признаны сильнейшими в мире по работе на коне и перекладине, в упражнении на кольцах и в вольных движениях.

Наконец, в ноябре команда советских гимнастов посетила Финляндию и с триумфом провела неофициальные состязания с национальной финской командой. После этой встречи вся пресса заговорила о советской школе гимнастики, отличительными чертами которой являются прекрасная физическая подготовка, смелые творческие искания и высокая техника. Искушенных финских рецензентов покорили мягкая плавность движений, небывалая гибкость, сложность исполняемых упражнений.

И вот снова прошли крупнейшие гимнастические состязания. На этот раз 343 гимнаста Москвы, Ленинграда, Грузии, Украины, Белоруссии, среднеазиатских и прибалтийских республик собрались в Тбилиси на лично-командные соревнования страны.

Гимнастический спорт давно уже стал в Грузии спортом национальным. Все пять дней соревнований гимнастический зал имени Ленина, где соревновались гимнасты первого, второго и третьего разрядов, и цирк, где выступали мастера, были переполнены.

Соревнования показали, что гимнастика получает широкое развитие в целом ряде республик. Так, москвичи, ленинградцы и тбилисцы должны были примириться с тем, что первенство в третьем разряде завоевал Стародубец, молодой гимнаст из Таджикистана, а личное первое место по второму разряду среди женщин досталось узбекской гимнастке Казаковой. Зато в первом разряде грузинские спортсмены взяли реванш. Ученик тренера Майпариани Иванов занял первое место. Очень немного отстал от него Кулумбекашвили. Среди женщин победила также ученица Майпариани — Чижикова.

Борьба мастеров за звание абсолютного чемпиона развернулась между москвичом В. Беляковым, киевлянином А. Ибадулаевым и тбилисцем Н. Тайкашвили. Такие первоклассные мастера, как В. Лаврущенко и абсолютный чемпион 1946 года Н. Серый, отстали еще во время исполнения обязательных упражнений, проводившихся по усложненной программе олимпийских игр.

Своего апогея борьба достигла во второй части соревнований, когда гимнасты демонстрировали свое композиционное искусство в произвольных упражнениях. Победив своих противников в упражнениях на коне, перекладине и в исполнении вольных движений, Беляков закрепил за собой первое место, а с ним и титул абсолютного чемпиона СССР по гимнастике на 1947 год.

У женщин борьба также шла между тремя гимнастками: четырехкратным чемпионом страны Г. Урбанович, ленинградкой М. Гороховской и грузинской гимнасткой Р. Заалишвили. Урбанович встретила достойных соперниц. Достаточно сказать, что, получив за опорные прыжки 9,2 балла, Урбанович все же осталась только на шестом месте. Первенство в вольных движениях она должна была уступить харьковской гимнастке, чемпиону страны по вольным движениям Л. Красненко. На брусьях более высокой оценки добилась Гороховская. Но выступление на одном из самых сложных снарядов — кольцах, — за что Урбанович получила наивысшую оценку — 10 баллов, случай, довольно редкий в гимнастике,— обеспечило ей пятую победу в абсолютном первенстве.

Командное первенство в общем зачете завоевали гимнасты Москвы.

Лично-командное первенство СССР по гимнастике в Тбилиси. В. Беляков исполняет опорный прыжок.

Фото Я. Аврутина.

УГОЛОК НАТУРАЛИСТА

Суровая школа

Голому слепому птенцу перелетной птицы в три летних месяца надо пройти полный круг развития: вырасти, овладеть всей птичьей наукой и натренироваться настолько, чтобы преодолеть путь в тысячи километров, — откуда-нибудь из осенней Москвы в теплую Африку.

Основное в жизни подрастающего птенца — вылететь из гнезда в огромный мир. Летать учат родители. Приближаясь к гнезду с обычной порцией корма, они, вместо того чтобы впихнуть эту порцию в широко раскрытый рот птенца, только дразнят его и отлетают. Птенцу волей-неволей приходится следовать за ними и так пробовать свои крылья.

У таких мастеров полета, как ласточки или стрижи, обучение полету продолжается дольше, чем у птиц, которым нет надобности учить своих птенцов стремительным поворотам, скольжению над землей и водой, трудному искусству ловли насекомых в воздухе.

У журавлей старики учат молодых держать на лету строй треугольника, чтобы легче рассекать воздух и благодаря этому экономно расходовать силы при дальнем перелете.

Проникая в тайны полета, птенцы вместе с тем учатся узнавать друзей и врагов, прятаться при опасности, добывать себе пищу, которую добыть не так просто, если принять во внимание, что, например, насекомоядные ежедневно съедают вдвое и втрое больше своего веса. При такой норме дневной рацион человека превышал бы 150 килограммов!..

К осени птицы объединяются в стаи, которые постепенно растут. В стае молодые приучаются к другим птицам, к «общественной» дисциплине.

Далекий перелет за тысячи километров требует много сил и выносливости. Средняя скорость полета крупных птиц — 100 километров в час. Подобно парусным кораблям, птицы искусно пользуются попутным ветром, иногда даже нарочно выжидают его.

В пути птиц ждет множество опасностей. Не будешь бдительным и ловким — попадешь в лапы хищника, под пулю или в силок. Плохо натренированные погибают от голода, непогоды или при полетах над морем. Так за ошибки воспитателей молодые птицы расплачиваются свободой или жизнью.

На родные места

Рыбы лососевых пород имеют свойство для икрометания непременно возвращаться в те места, где они сами вывелись из икринок. При возвращении лососям приходится преодолевать много препятствий, но инстинкт упорно гонит их в родные места.

Подобное же свойство отмечено у оленей, которые возвращаются на родные пастбища, чтобы рожать и воспитывать молодняк.

Насекомое увеличивается в объеме

Один из видов паразитических насекомых — собачий клещ — обладает оригинальным свойством: самка клеща, имеющая обычно в длину 1 сантиметр, будучи голодной, вытягивается до 4 сантиметров.

1. Блузка из пике или шелкового полотна. Впереди — бантовые складки. Автор модели — А. Н. Сладкова (28-е ателье Мосиндодежды). 2. Блузка из крепсатена, отделанная строчеными блестящими полосками той же ткани. Автор модели — А. Н. Сладкова (28-е ателье Мосиндодежды). 3. Блузка из крепжоржета с застроченными складками и широким рукавом. Автор модели — Е. С. Котова (35-е ателье Мосиндодежды).

Старейший железнодорожник

Восемьдесят лет назад в Рославльские железнодорожные мастерские пришел 14-летний мальчик — Даниил Журавлев. В частной мастерской он обучился слесарному мастерству и теперь просил принять его на работу в депо.

С тех пор Даниил Алексеевич Журавлев непрерывно работает на железнодорожном транспорте. Долгие годы он трудился в Екатеринославских, Луганских и Александровских железнодорожных мастерских. Затем переехал в Среднюю Азию, работал на станции Кзыл-Арват, Чарджоу; в 1924 году его перевели в Ташкент. Там, в Первомайских мастерских, он работал слесарем по ремонту ходовых частей паровоза и водоснабжения. В 1941 году Даниил Алексеевич ушел на пенсию.

Грянула Великая Отечественная война. Слесари, кузнецы, молотобойцы, токари сменили свои рабочие блузы на солдатскую шинель и ушли на фронт защищать Родину. Даниил Алексеевич вернулся в мастерские.

Работы для квалифицированного слесаря было много. Он обучал машинистов ремонту двигателей внутреннего сгорания, готовил квалифицированных слесарей. 180 человек прошли учебу у старика Журавлева.

Когда кончилась война, Журавлеву предложили опять уйти на пенсию. Но старик не согласился: только в труде и есть для него радость жизни. Тогда его назначили на более легкую работу — заведующим инструментальной кладовой цеха водоснабжения 2-го отделения Ташкентской дороги. Здесь Даниил Алексеевич трудится по сей день.

За безупречную работу на железнодорожном транспорте и добросовестное выполнение служебного долга министр путей сообщения СССР тов. И. В. Ковалев наградил на днях Даниила Алексеевича Журавлева именными часами и денежной премией.

Почему мы так говорим

ВЕТЧИНА

Это название закрепилось за прокопченным и просоленным свиным окороком, хотя бывают и медвежьи окорока.

Ветчина происходит от ветхий — давний. Ветшина — противоположность свежине. Ветчина — давно заготовленный впрок окорок.

Мы как-то объясняли, что окорок значит нога: в родственном нашему болгарском языке и сейчас крак — нога, по-украински крок — шаг.

ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ

Первобытный человек все непонятное и казавшееся чудесным объяснял божественной силой. Египтяне считали, что бог Тот научил людей печь хлеб, окрашивать ткани, выплавлять стекло. Он будто бы создал все ремесла, науки и искусства, начертил первые иероглифы, обучил людей письму, счету и игре на музыкальных инструментах.

В IV веке до нашей эры греческие писатели отождествили Тота с греческим богом Гермесом. Его называли Трисмегистом — трижды величайшим. Он стал богом ученых. Ему стали приписывать сохранившиеся древние, неизвестно кем написанные книги по науке, которых насчитывали 42. Из этих так называемых «герметических» книг 6 были посвящены медицине, некоторые — философии и т. д.

Герметические книги, так же как и все научные знания, были доступны не всем, а только немногим. Основы науки ревниво оберегались, и открытие ее тайн непосвященным считалось осквернением бога.

Таким образом, «герметический» стало означать закрытый, тайный для посторонних, потом вообще плотно закрытый, а теперь — изолированный от доступа воздуха.

И. УРАЗОВ

Фото Дм. Бальтерманца